

СЪ ВОЛЫНИ.

Отрывокъ.

... Ямщикъ нашъ былъ очень ожесточенъ противъ Евреевъ и бранилъ ихъ безъ пощады.

»Худоби не годують и зовсімъ не жаліють!« говорилъ онъ: »бий, гоні, да й тільки! імъ абіи більшъ виробить, — и одночінку нема!... О, якъ би менѣ настановили оттімъ!« (и онъ особенно ударялъ на *оттімъ*.) »Я бѣ на одній гілляці всіхъ жидівъ перевішавъ!«

Эти слова, произнесенныя такъ запросто, какъ будто дѣло идетъ о дурной погодѣ, дали намъ почувствовать, что мы находимся въ области славнаго въ пѣсняхъ и безславнаго въ *обывательскихъ* воспоминаньяхъ гайдамачества. Самъ говорившій имѣлъ видъ дикой красоты: рыжіе усы его торчали, какъ у кота; давно небритый подбородокъ ёжился посѣдѣвшими иглами; впалые сверкающіе глаза, глубокія морщины, прорванная сбоку войлочная шапка и свита вся въ лохмотьяхъ.... Чего не доставало такой личности, для того, чтобъ слова его были не пустыми, безсильными звуками? Каждый догадается....

При встрѣчѣ съ жиновескими *будками*, которые не рѣдко попадались намъ на дорогѣ, разогорченный жидами ямщикъ нашъ обыкновенно кричалъ:

»Звертай, звертай, жидовѣ проклѣта! атó голови поздиймаю.«

Вѣтеръ уносилъ много словъ его, а стукъ колесъ заглушалъ ихъ, ато бы онъ далъ намъ полное понятіе о томъ краснорѣчїи, которымъ во времена Хмельницкаго и Уманской рѣзни *затяжці* и *коліи* напутствовали сыновъ Израїля въ иную жизнь, до которой они не охотники. Такого ненавистника еврейскаго племени между ямщиками я еще никогда не встрѣчала, или, по крайней мѣрѣ, я не встрѣчала между

ними ни одного, который бы такъ простодушно выражалъ свою ненависть.

Другіе ямщики обыкновенно высказываютъ ее только тѣмъ, что слово *жидовá* употребляютъ, какъ бранное слово. »Жидовá, не встоішь!« говорили они неспокойнымъ лошадямъ. Или: »Засáпалась, жидовá!... Кивáешь головою, жидовá!...« А этотъ:

»О, якъ-бѣ я бувъ проізжающимъ!... я запригъ би жѣда вомісто худоби, да й прогнавъ би цілу верству!...« И потомъ, подумавъ, поправлялъ себя: »Ні, не верству, а пять верстовъ, щобъ знавъ мучить худобу.«

Рудненская станція. Станціонный домъ веселенькій; окруженъ сосновымъ лѣсомъ. Мать станціоннаго смотрителя—полька, очень добродушная старушка; черты лица пріятныя: видно, въ молодости была очень хороша собою. Она пригласила насъ обогрѣться на свою половину, такъ какъ гостинная комната была холодна, и, узнавъ, что обогрѣвшись, мы хотимъ ѣхать дальше, совѣтовала намъ переночевать. »Не надо, говорила она, и миліоновъ, какъ хорошее здоровье! Переночуйте: *czerstwiej* и здоровѣй будете.«

Мы согласились остаться: въ голосѣ и словахъ старушки было столько участія, что нельзя было не согласиться на ея убѣжденіе. Мы только просили ее изготovitъ намъ что-нибудь пораньше утромъ.

— Вы кушаете постное? спросила она насъ.

»Да.«

— Ну, если такъ, можно сготовить *потравку*.

Мнѣ понравилось названіе, и я, изъ любопытства, просила приготовить неизвѣстное мнѣ кушанье.

Встали утромъ, а старушка уже суетится и съ оживленнымъ лицомъ готовить намъ *потравку*. Подана потравка.... Вкусу никакого! Мерзлый картофель, гвоздичный перецъ и вода—вотъ и все въ потравкѣ.... даже соли не было! »Ну, думаемъ себѣ, мы теперь подкрѣпили свои силы, сдѣлались *черствѣй*, и смѣло можемъ пуститься въ путь!... авось-либо на слѣдующихъ станціяхъ встрѣтимъ такое же радушіе, по лучшее подкрѣпленіе!«

Послѣ узнали мы, что добрая старушка, съ сыномъ, сами живутъ очень бѣдно, никогда не покупаютъ себѣ говядины и даже не въ состояніи держать для проѣзжающихъ вилку и ножъ!... а между тѣмъ сколько въ этомъ голосѣ было выражено готовности и неподдѣльнаго радушія—отогрѣть путешественниковъ и накормить ихъ, совершенно безкорыст-

но, — тогда какъ мнѣ случилось однажды видѣть, какъ станціонная смотрительша, не будучи вовсе въ такой крайности, взяла съ умирающей женщины-путешественницы 10 копеекъ серебромъ за непроченный стаканъ воды.

Житомиръ. Объ этомъ городѣ, какъ о предметѣ слишкомъ извѣстномъ, распространяться не буду. Мнѣ понравилась липовая аллея на выѣздѣ. По обѣимъ сторонамъ большой дороги тянутся въ два ряда огромныя липы, и роскошно раскинули свои великолѣпныя вѣтви. Вѣтви сплелись и образовали арку надъ дорогою. Мнѣ вообразилось лѣто. Завидный отдыхъ въ знойный день для пѣшехода! Трудно придумать что-нибудь пріятнѣе для путешественника, когда липы разовьются, покроются цвѣтомъ и разольютъ благоуханіе, при солнечномъ горячемъ освѣщеніи. Что долженъ ощущать странникъ, измученный жаромъ и пылью, растянувшись на травѣ, слегка защищенной прозрачнымъ природнымъ зонтикомъ отъ палящаго солнца, при тихомъ шопотѣ листьевъ, жужжаньи пчелъ, шмелей и пѣніи птицъ! Сладкій сонъ! завидное ложе! и какой воздухъ!.. Много, много жизненныхъ силъ прибавится у путника. Почему бы всѣ дороги не убирать такимъ образомъ!... Почему?... Каждый знаетъ, почему.

Новгородъ-Волыньскъ. Я съ особеннымъ нетерпѣніемъ желала взглянуть на этотъ городокъ. Одинадцать лѣтъ назадъ, онъ произвелъ на меня чрезвычайно пріятное впечатлѣніе своимъ мѣстоположеніемъ, — нужды нѣтъ, что это было въ первыхъ числахъ февраля. Мы ѣхали тогда ночью и провалились на льду, — наша коляска прорѣзала его однимъ колесомъ; нужно было вставать. Я встала и, выбравъ хорошее мѣстечко на снѣгъ, принялась наблюдать картину. Передо мной одинъ возъ сѣна былъ опрокинутъ; кругомъ его волы и кони стояли, лежали и жевали сѣно. Селяне — одни сидѣли на раскинутомъ снѣгѣ, полулежа, отдыхали и курили трубки, другіе запрягали лошадей и воловъ въ возы, а остальные принялись вытаскивать нашу коляску. Собаки тоже тутъ присутствовали: привычка путаться подъ ногами и считать себя непремѣнными домохозяевами; а всего вѣроятнѣе, запахъ сала манилъ ихъ. А между тѣмъ луна и звѣзды то выглядывали изъ-за набѣгавшихъ облаковъ, то снова исчезали за ними. Тишина и гармонія были на небѣ; точно въ противоположность съ сумятицей здѣшняго міра.... Со всѣхъ сторонъ, между горъ, раздавалось эхо, аukanье, лай собакъ, пѣніе пѣтуховъ: приближался разсвѣтъ. Наконецъ все проснулось и заговорило. А на небѣ

такъ тихо, такъ спокойно! иногда только падающая звѣзда разнообразила постоянно-одинаковое *мигтанье* небесныхъ свѣтилъ.

Такое впечатлѣнiе соединилось у меня въ памяти съ этимъ городкомъ, и я съ нетерпѣнiемъ желала его снова увидѣть.

Когда мы приближались къ нему, погода сдѣлалась чрезвычайно ненастною. Снѣгъ и дождь въ одно и то же время, и вѣтеръ неистовый. Не смотря на то, что мы были тщательно закупорены въ нашемъ тарантаѣ, мы скоро замѣтили, что у нашихъ ногъ образовалось озеро, что шубы наши совсѣмъ мокры. Но это было еще только начало! Спустились мы съ горы, покрытой вязкою грязью. Гадко, грязно, такъ и бѣть, и лѣть совсѣхъ сторонъ. Жаль бѣднаго ямщика. Но мы думаемъ: «Переправимся черезъ рѣку и всѣ обогрѣемся въ теплѣ, на станціи.»

Приблизились мы къ пристани: паромъ не вдалекѣ, затертый льдомъ, не можетъ подойти къ берегу. Съ него сталкиваютъ въ воду пару лошадей, предоставляя имъ доплыть до берега. «Нельзя ли прополонить?» спрашиваемъ. Намъ отвѣчаютъ, что люди работали цѣлый день, и, выбившись изъ силъ, оставили.

Мы воротились назадъ. Лошади едва могли встачить насъ на гору. Единственнымъ пріютомъ для насъ была жидовская корчма — неуклюжая, наклонившаяся на сторону отъ ветхости, узкая и длинная. Кровли во многихъ мѣстахъ нѣтъ, глина на стѣнахъ, почти вся, давно обвалилась; во многихъ мѣстахъ свѣтились изъ-подъ нея штукатурные колышки.

Пока мой товарищъ осматривалъ комнату, я оставалась въ тарантаѣ. Гляжу въ щель — идетъ сгорбленный старикъ и тащитъ на себѣ два мѣшка, чѣмъ-то наполненные, а за нимъ четырнадцатилѣтній мальчикъ несетъ большую вязанку сѣна. Тяжело было итти бѣднымъ противъ вѣтра!

Я спрашиваю у ямщика-мальчишки: что старикъ несетъ и куда идетъ? «Ужъ не къ жиду ли въ корчму», думаю, «въ такую погоду?»

— То онъ несетъ мякину продавать на рынокъ.

«Крикни ему, что нѣтъ переправы!»

Мальчикъ молча кивнулъ головою.

— Крикни! говорю, — ато онъ напрасно спустится съ такой горы. Молчить.

— Кричи ему, что нѣтъ переправы.

А снѣгъ такъ и сыплется въ лицо! почти говорить нельзя; вѣтеръ захватываетъ дыханіе.

— Еще жъ и назадъ ему прійдется итти. Кричи!

»Ать!«

— Да что ты, на него сердить, что ли?

»А за что жь мнѣ на него быть сердитымъ? Самъ увидить, что нѣтъ проѣзду, и воротится.«

— Да подумай, еслибъ ты былъ на его мѣстѣ....

»И я бы такъ сдѣлалъ: пошелъ бы, увидѣлъ, что нѣтъ переправы и воротился бы.«

Языкъ индифферентнаго философа показывалъ, что онъ воспитанникъ дворовой жизни, изгоняющей, какъ извѣстно, мѣстное нарѣчіе.

Между тѣмъ ямщикъ поворотился на козлахъ въ противную сторону отъ вѣтра. Длинные волосы его были всклокочены вѣтромъ и покрыты хлопьями снѣга. Ямщикъ поставилъ стоймя воротникъ своего сѣраго армяка и приподнялъ вверхъ плечи.

Я снова: »Да зачѣмъ же челоуѣка мучить?«

— Еслибъ онъ былъ мой знакомый... ага-га-га! (гоготалъ онъ отъ стужи), то я бы сказалъ, ато что жь!

»Да вѣдь мы, христіане, должны утопающему помочь, кто бы они ни были: жида или цыгане; ато еще свой землякъ!«

Молчить самымъ убійственнымъ образомъ.

У жида, въ корчмѣ, мы заняли комнату нестерпимо холодную; окна съ дырками. Каминъ и печка очень дурно устроены и похожи болѣе на какую-то пещеру, чѣмъ на каминъ и печку; и двое дверей со щелями. Одна изъ дверей выходитъ въ жидовскую кладовую, изъ которой, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, ради любопытнаго жидовскаго наблюденія, прорѣзаны дырѣя, въ четверть длины и въ полвершка ширины, и еще одна круглая дырочка. Оттуда идетъ холодъ ужасный, а главное — свѣтятся наблюдательные, жадные взоры жидовъ. Запереть дверь нельзя и заставить ее тоже нечѣмъ. Завѣшу ее шубою — еще больше отходить и шевелится, если не отъ напряженныхъ глазъ и ушей жидовскихъ, то отъ ихъ пальцевъ. Другую же дверь, которая выходила въ сѣни, невозможно было отворить: такъ и вырвется изъ каминна дымъ съ золой и искрами. Что-то адекое представлялось мнѣ. Комната наша была похожа болѣе на сарай; въ температурѣ воздуха не было разницы, какъ на дворѣ, такъ и въ комнатѣ. Стѣны тонкія; вездѣ дуетъ. Не было угла, гдѣ бы можно пріютиться и скрыться отъ стужи. Словомъ, въ этомъ сараѣ было нестерпимо гадко и холодно. Ленточка отъ моего капора то и дѣло хлестала меня по лицу: такой былъ вѣтеръ! Мебели почти никакой; негдѣ примоститься; стулъ и скамейку едва выпросили; столъ отвратительный;

два ослѣна служили намъ вмѣсто кроватей. Изъ посуды ничего не даютъ, отговариваясь тѣмъ, что все у нихъ каширное, то есть такое, къ которому мы, нечестивые, не должны прикасаться, а купить — негдѣ. Чтѣ ни спросимъ — на все одинъ отвѣтъ: *Се зѣ касырне*. А тутъ еще зашелъ шѣбашъ. Голодали мы ужасно и даже чай пили съ отвращеніемъ. Жидъ безпрестанно вѣбгалъ взглянуть, не ѣдимъ ли мы чего трафного на его блюдечкахъ. Чайный приборъ былъ отвратительный: кажется, его слѣшилъ самъ хозяинъ. Вмѣсто фаянсу, глина такая, что того и смотри, развалится отъ воды; сверхъ того, чайникъ почти весь былъ исколѣтъ и обвить проволокой.

Грустно было взглянуть сквозъ разбитое окно на жидовскій дворъ! *Назімокъ* и двѣ коровы не имѣли навѣса, чтобъ скрыться отъ ужасной погоды, а между тѣмъ въ дворѣ столько закоулковъ! Признаюсь, я сама сдѣлалась любопытна, какъ жидъ. Чтѣ могло тамъ у него храниться подъ этими навѣсами? Чтѣ въ этихъ сараяхъ, кладовыхъ, въ разныхъ загородкахъ? Почему некуда ему пріютить скотины? А на дворѣ, словно, демоны перекликаются: такой неистовый вой вѣтра! Дрожь охватываетъ меня, а въ душѣ такое ощущеніе, какъ будто я сдѣлала какое-то преступленіе. Мысли въ страшномъ разбродѣ; дѣлать ничего не хочется, да и нельзя; даже мысль ни на чемъ остановиться не можетъ.

Скотина такая жалкая въ жидовскихъ рукахъ! Все худое, кошлатое, скорченное, печальное, стояло поникши головою и прижалось къ забору. На дворѣ ни деревца, ни кустика, — только огромные бодякі подъ окнами да кучи сору.

Но ужаснѣе всего былъ жидовскій слуга! Во всю мою жизнь я не видѣла человѣческаго существа, доведеннаго до большаго униженія! Свита на немъ, видно, была когда-то сѣрая. Нитки въ ней подѣлились вдоль и поперекъ. Вся она была усеяна черными и коричневыми заплатами, одна на другой, точно наслоеніе разныхъ пластовъ почвы. Протертые насквозъ, полувисеячія, въ видѣ отвратительной бахрамы, эти заплаты едва давали распознать, въ своихъ промежуткахъ, первобытную грубую ткань несчастной одежды. Лучше сказать, заплаты только и держали въ связи основу свиты на плечахъ безроднаго Остапа, — да еще поясъ ременный, которымъ онъ былъ очень крѣпко подтянутъ и къ которому привѣшенъ былъ большой ножъ въ кожанной похвѣ (ножнахъ), составлявшій все достояніе Остапа!... Странно видѣть подобную замѣду всякаго другого имущества у человѣка, не имѣющаго на землѣ ни брата, ни сестры, ни жены, ни дитяти, ни друга, ни даже пріятеля! А Остапъ

ничего этого не имѣлъ. Если онъ имѣлъ что-нибудь, чего не носилъ съ собою, то это — пана, который приставилъ его въ беземѣнные прислужники къ корчмѣ, по условію съ арендаторомъ — Евреемъ, подъ именемъ *сторожа*. Дико-несообразныя вещи дѣлаются на свѣтѣ: вѣрять безопасность жидовскаго семейства и имущества человѣку, который всего сильнѣе чувствуетъ къ жидамъ ненависть и которому, кромѣ своей жалкой жизни, терять нечего!

Остапъ имѣлъ видъ гайдамаки. Широкія плечи, широкій лобъ, широкая грудь, мускулистыя пехудалыя руки, похожія больше на желѣзныя щипцы, нежели на руки; брови черныя, густыя, нависшія надъ карими, грустными, почти погасшими, глазами, глубоко ушедшими подъ навѣсы морщинистаго лба. Выраженіе этихъ, почти погаснувшихъ и чуть-чуть сверкающихъ глазъ — невыносимо. Миѣ постоянно казалось, что у него лежить на сердцѣ такая мысль:

Заховіаю змійо люту,
Кбю свого сёрця,
Щобъ ворочі не бачили,
Якъ ліхо сміётця...

Голосъ у него упалъ, — чуть слышенъ въ сильныхъ, выходящихъ изъ глубины, звукахъ. Страшный, потрясающій голосъ! Постола, оббитые отъ долговременнаго употребленія, — лыка обтрепались кругомъ ихъ въ видѣ бахрамы. Гдѣ ступить мой дорогой Остапъ, тамъ и лужа; пройдетъ по нашему сараю-комнатѣ — такъ и плющитъ, такъ и чвікаетъ. Шаровары на немъ расползлись, такъ что *холоши* надѣвались отдѣльно и вся связь между ними заключалась въ суконной черной заплатѣ на ветхомъ полотнѣ. Рубашка грязная завязана веревочкой — *замісць червоної стѣйжки козацької!*... Сорочка, видно, купленная случайно, не сходится на морщинистой, красной шеѣ съ сильно-выдавшеюся горлянкою, какъ не сходились содранные съ жидовъ каштанки на широкоплечихъ гайдамакахъ.

— Що ти, Остапе, спрашиваю: — багато жаловання получаєшь?

»Ні, я жаловання не получаю: я при корчмі сторожемъ.«

— Такъ ти нічого й не робишь?

»Ні, роблю усе. Ізджу въ лісѣ по дрѣва, отопляю корчмѣ, дивлюсь за кіньми, за коровами, воду ношу, такъ куді пошлѣ жидъ — идѣ; на броварню за пивомъ... у ночі, хто приде... я й за дворомъ дивлюсь.«

— Ну, що жъ вінъ-такій, якъ празникъ, тобі дає що-небудь?

»Ні, другій годъ служу, а ні одноєї копійки, ані полушки, нічого,

нічого. Я тільки должень отошляти корчмѣ; а вінъ мені і до коней, і до всього. »Ти«, каже, »долженъ при корцмі все дѣлать.« А я, дурний, пану не жалюся. Другіи жиди ще не такі уїдливі були, а сей такъ и бігає, чи не давъ міні хто шага. Такъ їмъ и кортіть. Оце, пані ночують, поставляють на варту... коло екипажа вартую.... Уговоріюся за два злоти, або за три, въ нічъ: що жъ? жидъ и одбері! »Ти«, каже, »при корцмі состоїсь, и се все при корцмі.«

— Де жъ ти обїдаєшъ, Остапе? съ жидами, чи самъ собі вѣришъ?

»Я хожу за верствѣ; тутъ двіръ нашъ (т. е. панскій) есть. А якъ така хуртовина, якъ сѣгодня, то я и вечерять не хожу. Кавалоць хлїба сухого зымъ, да и годі! А вони нічого не дадуть; отъ служу въ їхъ другий годъ, — чѣрки горілки не піднесли.«

— А положи намъ, Остапе, дровъ у грѣбку.

»Напакую, напакую!« отвѣчалъ добродушно успокаивающимъ голосомъ Остапъ. »Оце, чи ночує у насъ хто, то такъ жидъ и стережѣ: »сцо-зь тобі панъ давъ?« Оце ви поспитали, чи нема ишоня... Теперъ шабашъ жидівскій; жидівка не сміє нічого давати; біжить вслїдъ за мною: »Дай«, каже, »дай, Остапе, пєона панамъ, а я тобі завтра се пєонѣ верну, а грѣси сама зъ їхъ полуцѣ.«

Мы ничего жидовскаго їсть не могли, насмотрѣвшись на ихъ опрятность. Они чисто приготавливаютъ для себя, но для другихъ — возмутительно! описывать не хочется. У насъ все запасы дорожніе истощились, и мы должны были заимствоваться у жида или у Остапа, и сами готовить въ печкѣ, чтобъ хоть теплымъ согрѣться, ато сидѣли въ шубахъ, стуча зубами, какъ въ лихорадкѣ. Наконецъ приготовили себѣ кое-что; но какъ їсть? хлѣбъ у насъ жидовскій, спеченный ими для продажи; а мы знаемъ, какъ они готовятъ для продажи хлѣбъ.

Чтобы достать хорошаго хлѣба, мы написали записку въ ближайшій господскій домъ, объяснивъ свое осадное положеніе, и послали Остапа. Жидъ догнавъ его, схватилъ записку, читалъ, читалъ, и нюхалъ и вертѣлъ кругомъ; но записка была написана такъ, что онъ не разобралъ ничего.

Принесъ Остапъ хлѣбъ отъ помѣщика съ самымъ любезнымъ отвѣтомъ и съ желаніями намъ всего добраго. Жидъ тотчасъ прибѣжалъ и опять началъ напоминать намъ о своихъ блюдечкахъ, а глаза его шныряли не только по столу, но и подъ столомъ. Такъ ему хотѣлось узнать, что принесъ намъ Остапъ, — не принесъ ли водки.

Между прочимъ, покупали мы у жидовъ новую глиняную посуду по невѣроятнымъ цѣнамъ, такъ какъ на время взять было нельзя. Мы, въ

ихъ глазахъ, были скверные, какъ Самаряне, о которыхъ говорилось: *не прикасають бо ся Жидове къ Самаряномъ*. Уѣзжая, мы подарили всѣ купленные вещи Остапу, въ присутствіи самихъ жидовъ, и сказали:

— Гляди жъ, Остапе, не отдавай жидамъ посѣди. Сю посѣду ми въ ихъ купили за такі гроші, що можно бъ купити настоящу паньську. То ти се знай; отъ, ми передъ самими жидами тобі говоримо, щобъ не сказа́ли вони, що се ихъ посѣда и щобъ не одняли въ тебе.

Жиды въ корчмѣ, по моему наблюденію, кажется, никогда не спятъ, не ѣдятъ, не сидятъ: такая дѣятельность! Правда, они еще молятся Богу. Они прославляли Іегову заунывнымъ воемъ на разные голоса подъ нашею дверью, въ кладовой, и только на это время успокоивались отъ житейской бѣготни; но лишь только оставляли молитвы, снова мы слышали ихъ уже изученные нами голоса между другими голосами. Вѣтеръ своимъ воемъ и стукомъ ставень удивительно гармонировалъ жидамъ. За снѣгомъ ничего не было видно въ окно. Ветхая корчма съ жалкою нашей комнатою едва держалась на горѣ противъ напиравшаго на нее со всѣхъ сторонъ вѣтра. Онъ заходилъ со всѣхъ сторонъ, обрывалъ гнилую дрань съ крыши, свистѣлъ на чердакѣ, прохватывалъ корчму насквозь черезъ сѣни и неистово добивался къ намъ въ окна, дребезжа ветхими рамами и кой-какъ слѣпленными стеклами. Жиды всю ночь не спали и Богъ ихъ знаетъ, съ чѣмъ они возились: что-то какъ будто привозили и увозили; казалось, будто кого-то душили; однимъ словомъ, происходило что-то непонятное. Дверь непрерывно визжала и деренчала. Шумъ пьянаго народа на противоположной половинѣ корчмы, стукъ въ окно и крикъ *отвори!* не давали ни на минуту сомкнуть глазъ. Я думала: »Можетъ ли быть ужаснѣе въ самомъ аду? Можетъ ли быть больше сумятицы, больше крику, гаму, въ обществѣ вѣдьмъ, на Лысой горѣ?«

9-го марта мы выѣхали изъ этого клокочущаго адскимъ волненіемъ жерла. Жидъ хотѣлъ взять деньги за пшено, которое мы взяли у Остапа; но мы ему сказали, что Остапъ намъ подарилъ пшено. На это жидъ говоритъ намъ: »Ну, отъ зе вінъ зъ мене бѣде править.« Бѣдный Остапъ! ему ли было *править* съ этого коршуна? Онъ былъ такъ убитъ, подавленъ, что едва могъ бесѣдовать съ нами и едва имѣлъ нѣсколько словъ въ оборотъ, чтобы жаловаться на свою участь.

Тарантасъ нашъ былъ спущенъ подъ гору къ рѣкѣ, къ парому, и стоялъ на берегу въ ожиданіи переправы. Здѣсь же былъ и базаръ, и тутъ-то мы насмотрѣлись на жидовскія козипи! Крестьяннинъ чего-нибудь

не хочетъ продавать, но жидъ кладетъ передъ нимъ, по своему усмотрѣнью, деньги, сколько ему вздумается, и уже забралъ ишено, нитки или куръ, и ужъ унесъ, какъ свою законную собственность! Иногда у крестьянина бывали руки заняты ношей до того, что жидъ приходитъ, осмотрить у него все въ мѣшечкахъ и даже за пазухой и, что ему правится, беретъ, не спрашивая мужика, что стоитъ. Да еслибъ одинъ жидъ, ато цѣлая стая! Тотъ и догонять не можетъ. У одного даже и шапку сняли съ головы и посмотрѣли, нѣтъ ли въ ней чего. Я сидѣла въ тарантасѣ и все это наблюдала. Тарантасъ нашъ надо было облегчить отъ клади, а тогда уже перевезти осторожно по льду, чуть остановившемуся сдвинутыми теченіемъ *кригами*. Для переноски вещей, явились все-таки жида, какъ будто единственные люди, которымъ слѣдуетъ за что бы то ни было получать деньги. Въ толпу жидовъ просунулся и бѣдный солдатъ въ своей шинелишкѣ. Но одинъ изъ жидовъ торопливо предупредилъ насъ тономъ довѣренной особы: »Ему опасно, опасно ввѣрить вещи!« Не смотря на это, товарищъ мой, однакожъ, далъ заработать солдату, позволивъ ему взять чемоданъ. Цѣлая стая жидовъ провожала насъ черезъ рѣку, перетаскивая наши вещи, и это — совершенно противъ нашей воли. Мы бы предпочли имъ загнанныхъ волинскихъ крестьянъ, которые не смѣли и подступить къ намъ; но жида рвали одинъ у другого чемоданы и узлы, оглушая насъ адскимъ крикомъ и не давая намъ ступить шагу по произволу. Вотъ истинные владѣльцы древней Русской земли, Волини! Вотъ кѣмъ поработощена страна, прозванная Волинью отъ *воли* (свободы), которою она славилась когда-то въ Русскомъ мірѣ! Напрасно мы, въ своихъ книгахъ и разговорахъ, отъзываемся объ этихъ завоевателяхъ въ шуточномъ тонѣ. Ихъ власть слишкомъ сильна, ихъ могущество ужаснѣе татарскаго, литовскаго и какого угодно! Они, владѣя страной и ея населеніемъ, не желаютъ процвѣтанія ни той, ни другому: они любятъ прекрасную, давно уже разоренную и обезображенную ими Волинь, какъ рудокопъ любитъ свою мрачную шахту, — не болѣе. Страшная любовь!... Последніе ея результаты пророчески выразились уже во множествѣ такихъ личностей, какъ нашъ бѣдный Остапъ, котораго мы, тайно отъ жидовъ, снабдили небольшою суммою денегъ и простились съ нимъ дружески, къ величайшему изумленію и негодованію всего жидовскаго семейства.

На возвратномъ пути, мѣсяца черезъ три, мы остановились на дорогѣ противъ корчмы и послали вызвать къ себѣ Остапа. Была середина

лѣта. Остапъ явился къ намъ безъ своей мозаичной свиты, но зато его сорочка и шаровары годились бы для костюма убогаго Лазаря. Онъ очень обрадовался намъ и низко кланялся, почти не говоря ни слова, — можетъ быть, не умѣя говорить словъ, которыя произносятся при свиданіи съ друзьями. Друзей у него никогда не было; языкъ дружеской бесѣды ему, конечно, не извѣстенъ.

— А що, Остапе, посѣда? спросили мы.

»Э! однявъ диявольскій жидъ!«

— На що жъ ти оддавъ?

»А що ти зъ нимъ вдієшь? Мой да й мой!«

— Ми жъ тобі казали, що за й великі гроші заплачені!

»То що! хибá жидав сего не чула?«

— Да якъ же ти оддавъ?

»А що жъ я зъ нимъ вдію! Я одинъ, а ихъ — сіла!«

— Ти пану пожалівся бъ.

»Що панъ?« отвѣчалъ Остапъ, понутивъ голову.

— Вінъ би заступивъ за тебе.

»Эге!... Жидъ ёму нужніший. Жиди на світі пана держать!«

Противъ этого сказать было нечего.

— Ну, а грошей у тебе не одняли?

»Про гроші я не признаюсь. Шукали по кишёняхъ, такъ — зась! я взявъ, да й заховавъ підъ колóдку на дрóвитні.«

— Що жъ ти собі купивъ, або-що, за ті гроші?

»А що мині трéба? Я про смерть держу, щобъ було за що поховати; да якъ говівъ, то съ копу попу да дякамъ роздавъ, да бўбликівъ за пятака купивъ, лю́дямъ роздавъ, щобъ на тімъ світі побáчиться зъ своїми.«

— Отъ же тобі, Остапе, сорóчка й штани.... Чи не одніме сего жидъ?

— »Ні вже, сего не здерé зъ мене: я заразъ надіну. Моє попадалось, то отеé, спасибі вамъ, — теперъ зніму, ви́перу, да й полатáю.«

— Ато въ тебе нема й переміни?

»Була переміна, да вразька жидівка зняла зъ горіща, да й подра-ла на ганчірки до пéчи....«

Довольно, довольно!... Прощай, Остапе!... Не лучше ли было бы намъ и не знать о твоёмъ существованіи?

Анна Барвинокъ.

ВОСПОМИНАНІЕ О Н. А. МАРКЕВИЧѢ.

Въ ожиданіи подробной біографіи и оцѣнки трудовъ одного изъ замѣчательныхъ дѣятелей на поприщѣ изученія южно-русскаго края, Николая Андреевича Маркевича, мы хотимъ занять нѣсколько страницъ воспоминаніемъ о немъ, какъ о писателѣ и человѣкѣ, преждевременная утрата котораго лично для насъ весьма чувствительна.

Николай Андреевичъ скончался 9-го іюня 1860 года въ своемъ наслѣдственномъ селѣ, Туровкѣ, Полтавской губерніи Прилукскаго уѣзда. — Онъ родился 26-го января 1804 года, въ Дунайцѣ Черниговской губерніи Глуховскаго уѣзда. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ г. Прилукѣ, въ пансіонѣ извѣстнаго педагога по призванію, Павла Павловича Бѣлецкаго-Носенка, а въ 1817 году былъ помѣщенъ во вновь-открывшійся, въ то время, пансіонъ при Педагогическомъ институтѣ въ Петербургѣ. Одинъ изъ преподавателей этого пансіона, В. К. Кюхельбекеръ, очень полюбилъ даровитаго юношу и много способствовалъ развитію его поэтическаго таланта и литературнаго вкуса. Ему Николай Андреевичъ обязанъ и знакомствомъ своимъ съ А. С. Пушкинымъ, съ борономъ Дельвигомъ, Баратынскимъ и съ В. Л. Пушкинымъ. Въ этомъ обществѣ молодой поэтъ нашъ проводилъ свои досуги во все время пребыванія своего въ Петербургѣ, что продолжалось до 1820 года.

Первыя стихотворныя попытки Николая Андреевича начались еще въ весьма молодые годы: стихотвореніе его *Гробъ*, написанное гекзаметромъ, было уже напечатано В. А. Жуковскимъ въ Невскомъ Зрителѣ 1817 года, когда Николаю Андреевичу было только 13 лѣтъ. Въ 1821 г. онъ поступилъ на службу въ драгунскій армейской полкъ; но вскорѣ, по желанію своего отца, жившаго въ своемъ малороссійскомъ селѣ и страстно любившаго сына, Н. А. долженъ былъ выйти въ отставку и поселиться въ деревнѣ. Въ 1829 г. мы видимъ его опять въ сто-

лицѣ, въ Москвѣ, гдѣ Николай Андреевичъ велъ образъ жизни преимущественно свѣтскій, что впрочемъ не помѣшало ему пріобрѣсти много друзей въ кругу ученомъ и артистическомъ. Здѣсь, предавшись съ особенною страстью музыкѣ, онъ сдѣлался подъ руководствомъ извѣстнаго Фильда, превосходнымъ фортепьянистомъ. Въ его чуткой талантливой натурѣ поэзія и музыка сжились такъ дружно, какъ въ украинской народной пѣснѣ: этимъ двумъ музамъ онъ оставался вѣренъ до послѣдней минуты. Въ томъ же 1829 г. Николай Андреевичъ издалъ въ Москвѣ свои *Элеи* и *Еврейскія Мелодіи*, и *Стихотворенія эротическія*; потомъ, черезъ два года, (въ 1831 г.), тамъ же, изданы *Украинскія мелодіи*. Въ 1830 г., Н. А. женился въ Малороссіи и, наслѣдовавъ по смерти отца довольно значительное имѣніе, предавался, съ свойственнымъ ему увлеченіемъ, сельскому хозяйству. Но заботы семейныя и хозяйственныя не помѣшали ему заниматься науками. Замѣчательнѣйшимъ трудомъ его деревенской дѣятельности была *Исторія Малороссіи*, изданная въ 5 томахъ, въ Москвѣ, 1842 г. Какъ исторія, какъ живое, критическое воспроизведеніе минувшаго, это сочиненіе не могло удовлетворить требованій науки и въ то время, но какъ собраніе и обнародованіе разныхъ историческихъ матеріаловъ, оно драгоцѣнно для всякаго, кто изучалъ южный край нашъ, и сохранило за Николаемъ Андреевичемъ имя полезнаго и трудолюбивѣйшаго дѣятеля. Онъ оказалъ неоцѣненную услугу своей родинѣ еще собраніемъ старинныхъ рукописей, актовъ и дѣлъ, въ числѣ 6,000, и составленіемъ подробнаго каталога этому архиву. На составленіе каталога, который самъ по себѣ, независимо отъ архива, чрезвычайно полезенъ и любопытенъ, Н. А. посвятилъ нѣсколько лѣтъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины, сокрушаемый мучительнымъ и продолжительнымъ недугомъ, умирающій страдалецъ рѣшился разстаться съ своею драгоцѣнностью и продалъ ее помѣщику Полтавской губерніи, Ивану Яковлевичу Лукашевичу. — Будучи членомъ многихъ ученыхъ обществъ и комитетовъ, Н. А. Маркевичъ, въ послѣдніе годы своей жизни, началъ прилежно записываться статистикою и этнографіею, и напечаталъ слѣдующія брошюры: 1) *О табакѣ вообще и въ Малороссіи въ-особенности*; 2) *объ овцеводствѣ въ Малороссіи*; 3) *рыбки Полтавской губерніи*; 4) *о народонаселеніи Полтавской губерніи*; 5) *обычай, повѣрья, кухня и напитки нынѣшнихъ Малороссіянъ*.

Въ рукописяхъ, оставшихся послѣ Николая Андреевича, найдено множество неизданныхъ имъ работъ и сочиненій; между ними особенно за-

мѣчательны: переводъ, изъ Байрона, 1-й пѣсни Донъ-Жуана въ стихахъ, переводы изъ разныхъ нѣмецкихъ поэтовъ и переводъ почти всего Шиллера, по которому Н. А. учился нѣмецкому языку ⁽¹⁾; сверхъ того, въ рукописяхъ покойнаго находится начало Малорусскаго словаря, начало словаря энциклопедическаго, и множество мелкихъ стихотвореній, замѣтокъ, эпиграммъ, описаній и путешествій. Остается прибавить, что Н. А., доставшуюся ему, по наслѣдству, довольно хорошую библіотеку постоянно пополнялъ многими замѣчательными и рѣдкими сочиненіями и довелъ ее до 8.000 томовъ.

Заявляя этимъ бѣглымъ перечнемъ трудовъ Николая Андреевича, что онъ, по своей многосторонней и добросовѣстной дѣятельности, заслуживаетъ полной біографіи, которая и опредѣлитъ его мѣсто въ литературѣ и обществѣ, мы, лично, никому не хотимъ уступить права—сказать нѣсколько искреннихъ словъ о Николаѣ Андреевичѣ, какъ о человѣкѣ, въ его частномъ, семейномъ быту. Мы его такъ близко знали, такъ искренно любили! Въ его природѣ заключались лучшія черты нашего народнаго характера. Гостепріимный хозяинъ, постоянно веселый, занимательный, радушный и остроумный, Николай Андреевичъ бывалъ особенно привлекателенъ у себя въ деревнѣ. Его добродушная простота, доступность и умѣнье говорить съ народомъ на его родномъ языкѣ, не только располагали къ нему сердца его крестьянъ и слугъ, которые обращались съ нимъ какъ съ другомъ, но внушали и окрестнымъ поселенцамъ особенную любовь и довѣріе къ этому рѣдкому пану. Сосѣдніе крестьяне приходили къ нему совѣтоваться по своимъ дѣламъ, разрѣшить споръ или, просто, потолковать съ «розумнимъ паномъ».

Однажды Николай Андреевичъ, посѣтивъ свое гумно, засталъ, что одинъ изъ вѣявшихъ хлѣбъ, курилъ люльку. «Зачѣмъ это ты куришь», замѣтилъ ему Николай Андреевичъ, не выпуская изъ зубовъ собственной люльки: «вѣдь ты можешь сжечь *клѣю*». — «А коли я могу спалить, такъ и ви, пане, спалите». — «Да, но если я спалю, то я и выстрою, а ты мнѣ не построишь новой клѣни», возразилъ Н. А. — «И то правда, пане», отвѣтилъ убѣжденный украинецъ, опуская люльку въ карманъ своихъ шараваръ.

Будучи страстнымъ охотникомъ до цвѣтовъ и растений и, въ то же время, хорошимъ садовникомъ, Н. А. развелъ, въ своей Туровкѣ, огром-

(1) Нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ переводовъ помѣщены Н. В. Гербе-
лемъ въ изданіи «Шиллеръ въ переводѣ Русскихъ писателей.»

ный превосходный садъ, самъ разбивалъ его и вырастить. Въ Туровкѣ, особенно лѣтомъ, собиралось очень часто большое общество. Любимецъ и любитель женскаго общества, Н. А. бывалъ постоянно окруженъ дамами и дѣвицами. Смѣху и шуткамъ конца не бывало. Одной онъ пишетъ или говоритъ экспромтъ, другой посвящаетъ романсъ, третьей сочиняетъ вальсъ или мазурку. Его красивая, оживленная фигура, съ добродушною улыбкою, съ черными умными глазами, съ густыми длинными кудрями, преждевременно побѣлѣвшими, безпрестанно переходила отъ фортепьяна къ цвѣтамъ, отъ цвѣтовъ къ письменному столу и книгамъ, сопровождаемая обществомъ дамъ, которыя наперерывъ старались обратить на себя вниманіе уже посѣдѣвшаго, но привлекательнаго поэта — нерѣдко — въ стихахъ, и постоянно — въ жизни.

Въ лѣтнее время, по утрамъ, Н. А. отправлялся обыкновенно въ садъ, и тамъ, съ коротенькою люлькою въ зубахъ, копался въ грядкахъ, ухаживая за своими любимыми цвѣтами и кустарниками. Велѣдъ затѣмъ, онъ нерѣдко садился за фортепьяно, и пальцами, на которыхъ оставались еще слѣды земли и песку, извлекалъ съ замѣчательнымъ мастерствомъ прекрасные мотивы, то задумчивые, то оживленные. Съ наступленіемъ теплой весенней погоды, большую часть времени хозяйинъ и гости проводили въ саду, — тамъ обыкновенно обѣдали, пили чай и ужинали. Послѣ ужина, все молодое общество, женское и мужское, въ сопровожденіи любезнаго хозяина, отправлялось гулять по саду, который казался очаровательнымъ при свѣтѣ луны или мерцаніи звѣздъ благосклоннаго украинскаго неба. Эти прогулки всегда будутъ памятны тѣмъ, кто въ нихъ участвовалъ: сколько умныхъ замѣчаній, остротъ и удовольствій выносилось съ этихъ прогулокъ! Бывало, къ разсвѣту, и соловей умолкнетъ, а въ густой аллеѣ все еще слышится живой говоръ и веселый смѣхъ....

Теперь, когда мы приводимъ въ спокойное сознаніе всѣ впечатлѣнія и воспоминанія, вызываемыя личностью Николая Андреевича, когда живо представимъ себѣ этого человѣка, добраго, благороднаго и даровитаго, то невольно задается вопросъ: всё ли онъ сдѣлалъ для жизни, что могъ бы внести въ неѣ по своимъ способностямъ... и чувство глубокой грусти овладѣваетъ нами, и невольно задумываешься, отчего это у насъ пропадаетъ столько силъ, не достигая настоящаго своего назначенія? Отвѣта на этотъ вопросъ, относительно Николая Андреевича, можно искать, быть-можетъ, въ томъ, что онъ вступилъ въ жизнь общественнымъ дѣятелемъ въ ту грустную эпоху, которая породила много такъ

называемыхъ *лишнихъ людей*. людей, которымъ наше, болѣе счастливое, поколѣніе должно быть признательно и за то, что они, въ борьбѣ съ тяжелой обстановкой своего времени, не все потеряли, а, напротивъ, умѣли сберечь, и для нашего поколѣнія, идеаль лучшаго строя въ жизни... Но въ присутствіи Николая Андреевича нельзя было грустить и задумываться: обаяніе его было такъ сильно, что заданный выше вопросъ приходилъ послѣ. Съ глубокою тоской думаемъ мы о томъ, что этого человека уже не будетъ болѣе съ нами.

Николай Андреевичъ скончался 56-и лѣтъ отъ роду, послѣ продолжительной водяной въ груди; его не могли излечить ни искусство медиковъ, ни путешествіе по Италіи, о которой часто грезилъ умирающій поэтъ еще въ ранней молодости. Онъ похороненъ въ своей любимой Туровкѣ, подлѣ церкви, въ виду любимого сада.

Пусть наши воспоминанія будутъ полевыми цвѣтами, которые мы съ душевною скорбью кладемъ на эту прѣждевременную и незабвенную для насъ могилу.

Н. М А К А Р О В Ъ.

ИЗЪ УКРАИНЫ.

СКАЗКИ И ПОВѢСТИ Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

(Чумаки, ч. 3, стр. 63 — 200.)

Изъ статей, написанныхъ объ Украинѣ, непріятны или, лучше сказать, приторны тѣ, гдѣ *безусловно* восхваляется наша родина (къ-счастью, количество ихъ небольшое); но еще несноснѣе, утомительнѣе и приторнѣе очерки и рассказы, въ которыхъ, подъ видомъ неудачнаго юмора и фальшиваго лиризма, Украина изображена въ небываломъ свѣтѣ. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ и три томака сочиненій г. Данилевскаго, изданные подъ общимъ заглавіемъ: «Изъ Украйны».

Дѣятельность этого сочинителя заключается преимущественно въ описаніи южнаго края.

Мы не будемъ тревожить праха «Козаковъ и Степей» и «Слобожанъ», о которыхъ было сказано въ свое время, а приступимъ къ разбору послѣднихъ произведеній пера, такъ-смыло глумившагося надъ нашей исторіей и народностью. Критика не была снисходительна къ г. Данилевскому, но рецензенты смотрѣли на него только съ художественной точки зрѣнія; я же, въ качествѣ украинца, постараюсь разобрать одну лишь статью г. Данилевскаго со стороны этнографической и, по крайнему разумѣнію, показать — какъ сочинитель выполнилъ заданную себѣ задачу, и на-сколько приблизился къ правдѣ.

Съ первыхъ рассказовъ изъ «Украины» и даже съ первыхъ пріемовъ, вы видите претензію на юморъ, на тотъ несчастный юморъ, который такъ много повредилъ великорусскимъ рассказамъ Основыиненка, и отъ котораго до-сихъ-поръ не могутъ отрѣшиться иные польскіе писатели. Юморъ этотъ уже перешелъ у насъ въ самый низшій разрядъ бельетристики. Рѣдко кто изъ писателей-украинцевъ избѣгалъ юмористическаго направленія, давагося одному Гоголю; зато передъ героями Гоголя какими жалкими кажутся, напримѣръ, геройчики покойнаго Гребен-

ки! Сочинителю «Чумаковъ», въ свою очередь, захотѣлось поюморничать: «я-де малороссъ», вѣроятно, думалъ г. Данилевскій, «и мнѣ прирождена эта способность», и началъ все выкраивать по предназначенной мѣркѣ, стараясь во что бы то ни стало насмѣшить почтеннѣйшую публику. Слова нѣтъ, есть еще люди изъ такъ-называемаго образованнаго класса, которые не прочь поохотатъ подъ неотесаннымъ *холомомъ*, воображающіе въ простотѣ жалкаго невѣдѣнія, что этотъ народъ способенъ только смѣшить собой, или говорить одиѣ смѣшныя вещи. Но какой же образованный писатель рѣшится сочинять самыя неестественныя позы, выдумывать невозможныя сцены и лица, и все это для того только, чтобы смѣшить кого-то, жертвуя истиной и рискуя услышать печатно настоящее названіе своихъ неудержимыхъ фантазій? Вѣдь было время, когда наши юмористы изобрѣтали забавныя, по ихъ мнѣнію, фамиліи и влагами въ уста дѣйствующихъ лицъ какія-нибудь пошлыя поговорки, считая подобныя приемы верховнымъ искусствомъ. Но то золотое время прошло невозвратно; на поговоркахъ или наивныхъ остротахъ теперь недалеко уѣдешь: требуется дѣльное пониманіе, основательное, разумное изученіе. Прочитывая плоды досужныхъ фантазій, разгуливающихъ по Украинѣ, я еще бы мирился съ юмористическими наклонностями сочинителей; отъ этого никому ни тепло, ни холодно, и разборъ подобныхъ книгъ потребовалъ бы не много времени. Но если встрѣчаешь повѣсти и рассказы, сочинитель которыхъ преисполненъ претензіи—выдать себя за непогрѣшимаго знатока южнорусской народности, то рецензентъ становится въ чрезвычайно неловкое положеніе. По крайней мѣрѣ, я чувствую это въ настоящемъ случаѣ по себѣ и хочу нѣсколькими словами очеркнуть подобное состояніе. Порицать вещь, особенно книгу, очень легко, даже по избитой фразѣ: «la critique est aisée, mais l'art est difficile», находить промахи еще легче, особенно съ запасомъ изворотливости и недобросовѣстныхъ приемовъ извращенія смысла: это извѣстно всѣмъ и каждому. Но не менѣе извѣстно и то, что, принимаясь за разборъ сочиненія, рецензентъ долженъ хоть чѣмъ нибудь заявить свои познанія въ данномъ предметѣ, особенно рецензентъ подписывающій свое имя. Въ нынѣшнее время и отъ критики требуютъ фактовъ и положительныхъ доказательствъ, а гдѣ ихъ взять при разборѣ какого бы то ни было сочиненія, относящагося до южнорусской народности? Признаюсь, я было призадумался, писать ли свой разборъ сочиненій г. Данилевскаго; но меня ободрила мысль, что я пишу въ журналъ, предназначенномъ для украинцевъ, которые легко могутъ повѣрить мою оцѣнку и вникнуть въ подро-

бности, ускользающія отъ читателя, незнакомаго съ нашими нравами, обычаями, языкомъ и самою природою. Здѣсь я смѣло могу указывать вопіющіе промахи и не ссылаясь, для подкрѣпленія, на печатные источники, — безъ опасенія возбудить подозрѣніе въ справедливости моихъ словъ.

Пропустивъ многіе рассказы г. Данилевскаго, я съ особеннымъ любопытствомъ взялся за статью «Чумаки». Миѣ хотѣлось взглянуть — вѣрно ли г. Данилевскій изобразилъ наше чумачество, и остепенилась ли здѣсь его фантазія, такъ молодецки разгуливавшая въ «Козакахъ и Степяхъ», гдѣ этотъ сочинитель передѣлалъ наши народныя легенды на свой ладъ. Прочтя статью отъ первой до послѣдней строчки, увы, я пришелъ къ тому заключенію, что кто искажаетъ народныя памятники въ стихахъ, тотъ не можетъ отрѣшиться отъ этой милой привычки и въ прозѣ. Г. Данилевскій и здѣсь остался вѣренъ своей системѣ: онъ кудревато описалъ бытъ чумаковъ, но не съ натуры, а съ своей собственной фантазіи, присочинилъ, по прежнему, разную небывальщину. Предпославъ вступленіе, т. е. выписавъ кое-что и перифразировавъ изъ г. Скальковскаго, который тоже иногда фантазировалъ въ свою очередь, г. Данилевскій принялся описывать чумаковъ, бытъ которыхъ такъ своеобразенъ и занимателенъ. Не стану говорить о риторикѣ и лиризмѣ, заимствованномъ изъ «Слобожанъ» того же автора, — но считаю не лишнимъ сдѣлать одно замѣчаніе. Г. Данилевскій пишетъ характеристику украинскихъ чумаковъ, намекая притомъ, что извѣдчилъ весь край въ качествѣ наблюдателя. А между тѣмъ на дѣлѣ видно, что горизонтъ наблюденій сочинителя весьма узокъ или, лучше сказать, за небольшими исключеніями, ограничивается одною Харьковскою губерніей. Хотя я и не рѣшусь утверждать, что знаю превосходный край, населенный южноруссами, но я имѣлъ возможность проживать во многихъ мѣстностяхъ, занятыхъ этимъ племенемъ, трудясь надъ собираніемъ этнографическихъ свѣдѣній и памятниковъ, и потому скажу, что есть большая разница въ нравахъ, обычаяхъ, одеждѣ, даже нарѣчіи, между жителями сосѣднихъ губерній: зная, напримѣръ, бытъ въ Харьковской, можно не имѣть понятія о Черниговской; изучивъ обычаи, положимъ, Купянскаго уѣзда, можно дать большой промахъ, прилагая эту мѣрку къ обычаямъ Золотоношаго. Отъ беллетристики невозможно требовать многого въ этомъ отношеніи: но если беллетристъ постоянно заявляетъ въ дѣлѣ свою непогрѣшимость, критикъ долженъ быть къ нему гораздо строже и не обольщаться цвѣтистыми описаніями природы. Добросовѣтный писатель выскажется сразу

и безъ всякой хитрости обозначить границы своихъ наблюдений, не имѣя запасной мысли щегольнуть передъ неопытнымъ читателемъ: «я дескать поѣздилъ-таки по свѣту.»

Г. Данилевскому нельзя отказать въ наблюдательности, нельзя отказать и въ знаніи нѣкоторой части Харьковской губерніи; но когда онъ рисуешь предметы не справляясь съ натурой, какъ они есть, а представляя въ такомъ видѣ, въ какомъ ему хотѣлось, чтобъ они были—объ этомъ нельзя, не годится, молчать. Вся бѣда въ томъ, что г. Данилевскій желалъ набросить какой-то, по его мнѣнію, поэтический колоритъ на чумацкую жизнь, и вслѣдствіе этого пересолитъ, что называется. Нужды нѣтъ, что онъ перечисляетъ по именамъ знакомыхъ ему чумаковъ, которые, судя по названіямъ сѣлъ, все обитаютъ въ Харьковской губерніи; но можно поспорить, что чумаки въ дѣйствительности далеко не тѣ, какими онъ ихъ выставилъ. Если бы пошло на откровенность, я увѣренъ, г. Данилевскій, положи руку на сердце, признался бы, что присочинилъ малую-толику. Описывая новый предметъ, г. Данилевскій не удерживаетъ своего воображенія, и если хвалить, то хвалить не стѣняясь; если же выставить какой недостатокъ, то ужъ рѣшительно пѣтъ пощады. Пьяницы между чумаками—попадаются, я самъ знаю такихъ, которые пропивали *худобу* и возвращались домой съ *батогами*. Пропить двѣ-три пары воловъ еще не диковина, но пропить 50 паръ воловъ, какъ сдѣлалъ одинъ знакомый чумакъ г. Данилевскаго (стр. 104) — это, съ позволенія сочинителя, отзывается чистѣйшей фантазіей. Здѣсь можно даже подвести цифру, (хотя я вообще не охотникъ до математическихъ выкладокъ.) Чтобы крестьянину имѣть 50 паръ воловъ, надобно быть очень хорошимъ хозяиномъ и рѣшительно не придерживаться чарки. Пользуясь статьею самого же г. Данилевскаго, мы знаемъ, что хорошихъ чумацкихъ воловъ нельзя купить менѣе, чѣмъ за 75 р. пару, значить 50 паръ стоить 3.750 р. — капиталъ для крестьянина болѣе чѣмъ значительный. Такой крестьянинъ, отправляясь въ Крымъ за солью, не станетъ надѣяться на авось, т. е. на случайную транспортировку клади, а беретъ съ собою денегъ на 3,000 пудовъ, — не менѣе восьми сотъ рублей. Какъ же это простолюдинъ ухитрится пропить 4,500 р., не одумавшись ни разу, куда дѣнетъ своихъ чумаковъ, человекъ не менѣе десяти, и сколько времени нужно чтобъ пропить подобную сумму?! На Дону пьютъ вино и водку. Мѣстное вино дешево, — не будемъ принимать его въ расчетъ, — а возьмемъ откупную водку и поставимъ ее по самой дорогой цѣнѣ — по 6 р. за ведро. Штофа достаточно въ день напиться

мертвецки; положимъ, что гуляка покупалъ еще 9 штофовъ для пріятелей, — количество, которымъ можно упомѣть многочисленную публику, — значить издерживалъ въ день 6 руб.; допустимъ наконецъ, что онъ тратилъ на другіе расходы столько же — и издерживалъ 12 р. въ сутки, и все-таки ему нужно пьянствовать круглый годъ безъ просыпу и безъ оглядки, чтобы пропить такую сумму денегъ. Неужели же чумаки г. Данилевскаго больше года кутиль, пропивая свое состояніе, и какъ это угораздило его рѣшиться на такую огромную трату? Для этого надобно быть болѣе чѣмъ горькимъ пьяницей, — а горькому пьяницѣ трудно вести такое дѣло, чтобы ходить съ 50 парами воловъ въ Крымъ за солью, или на Донъ за рыбой. Нѣтъ, г. Данилевскій! не въ укоръ вамъ, это сильно отзывается неудержимой фантазіей. При всей любви вашей къ родинѣ, выражающейся, пока, однимъ лишь стараніемъ описать ее какъ-можно поэтичнѣе, вы не можете отрѣшиться отъ юмористическихъ, по вашему, нападокъ на счетъ пьянства общихъ земляковъ нашихъ. Мы очень хорошо помнимъ, какъ въ своихъ «Розакахъ и Стеняхъ», искажая народныя легенды, вы передѣляли извѣстную пѣсню о «Сагайдачномъ» и заставили прославленнаго Запорожца напиться пьянымъ въ походѣ, что противно козачьей регулѣ, ибо за пьянство въ походѣ наказывали смертью, и въ самой пѣснѣ ни словомъ не упоминается о горѣлкѣ. Есть одна пѣсня, въ которой разсказывается о чумака, пропившемъ свое состояніе — и, вѣроятно, она-то побудила г. Данилевскаго выкинуть такую штуку. Впрочемъ, если я не правъ, — сочинителю легко уличить меня, и я охотно попрошу у него извиненія, хотя подобно всѣмъ, знающимъ Украину, не соглашусь, что пьянство — главная черта характера нашего простолудина.

Чрезвычайно невѣренъ взглядъ г. Данилевскаго на домашній бытъ украинца — и даже на хату чумака, хотя, въ описаніи, и попадаются иногда занимательныя подробности. Чумака, если занимается чумачествомъ по наслѣдству, ничѣмъ не разнится въ своемъ домашнемъ быту отъ прочихъ крестьянъ; и разсказъ г. Данилевскаго о томъ, что онъ зимой боится жены и угождаетъ ей, а только весною дѣлается самовластнымъ — чистѣйшее мечтаніе. Если какой-нибудь знакомый чумака г. Данилевскаго и дѣйствительно таковъ въ своемъ домашнемъ быту, то слѣдовало бы писать его біографію, не навязывая своихъ наблюденій всему сословію и не вводя въ обманъ тѣхъ читателей, которые, какъ я сказалъ выше, до сихъ поръ еще охотно вѣрятъ во всѣ шуточки и плоскости, разсказываемыя про малороссіянъ. Живя въ Петербургѣ, навѣдываясь изрѣдка

въ Харьковскую губернію и потомъ проѣхавъ на-скоро по другимъ мѣстностямъ, гдѣ обитаютъ чумаки, положительно нельзя сдѣлать полный очеркъ быта и нравовъ этого сословія, не расходясь съ истиной.

Изъ слѣдующихъ мѣстъ читателю будетъ видно, — до какой степени сочинитель знаетъ предметъ, который описываетъ столь краснорѣчиво. Прежде всего, считаю обязанностью замѣтить, что слова »хуторъ« и »хуторянинъ«, г. Данилевскимъ употребляются вовсе неправильно. Хуторъ въ Малороссіи значить выселокъ, большею частью въ степи, состоящій изъ одной или нѣсколькихъ хатъ, у г-на же Данилевскаго село и деревня называются хуторомъ, а сельскіе жители — хуторянами, не знаю уже по какому случаю. Желаящіе могутъ убѣдиться въ этомъ, раскрывъ любой разсказъ.

»Святочные пѣсни поются на Святой вечеръ (стр. 90).« Это крупная ошибка, прошедшая немногими замѣченною у Гоголя, въ его повѣсти »Ночь передъ Рождествомъ«. Не знаю, когда поются *колядки* въ томъ хуторѣ, который угодно было г. Данилевскому избрать для своихъ наблюденій, но въ Малороссіи, на *святъ-вечірѣ* (капунъ Рождества), народъ, постясь съ утра до первой звѣзды, ужинаетъ свою *кутю* и *узваръ*, затепливши восковую свѣчку; и въ этотъ день въ деревнѣ никто не разинетъ рта для пѣсни, потому что это было бы противно религіознымъ обычаямъ простолюдина. Колядки поются на первый день Рождества Христова.

Описывая святочные гаданья, г. Данилевскій говоритъ:

»Зажженная лучина освѣщаетъ разубранныя головы и шитыя рубахи (стр. 96).«

Опять не знаю, чѣмъ освѣщаются избы въ хуторѣ, описываемомъ г. Данилевскимъ, но лучины нѣтъ у насъ въ употребленіи. Есть рѣдкія исключенія, тамъ гдѣ растетъ сосна, но этихъ мѣстъ очень мало, и южноруссы обыкновенно свѣтятъ *каганцѣмъ*. Есть уголокъ, гдѣ дѣйствительно свѣтятъ лучиной, но это по границѣ моголиевской губерніи, откуда, конечно, сочинитель не бралъ своихъ типовъ.

»При кормѣ бардою, въ избѣжаніе болѣзни десенъ и языка, воламъ дается, въ перемежку, еще небольшое количество соломы (стр 103).«

Это чистѣйшая фантазія. Вола нельзя выкормить бардою при помощи соломы. Каждый порядочный хозяинъ, въ особенности чумаковъ, покупаетъ самое лучшее сѣно и кормитъ имъ воловъ, не смотря на большое количество барды.

»Уже старинныхъ Запорожцевъ изображали сильно лѣнивыми и не-

податливыми на подъемъ. Насмѣшливыя картины по самой Украинѣ въ каждомъ кабацѣ представляютъ ихъ съ этой стороны. Подъ одною надписью и т. д. (стр. 106). «

Подобныхъ картинъ не встрѣтите, не только въ *каждомъ* кабацѣ, но врядъ ли въ сотомъ, да и то картины эти не насмѣшливыя. Дѣйствительно, прежде довольно часто попадалось изображеніе извѣстнаго запорожца Мамая съ надписью: »Хоть дѣвися на мене« и проч., но теперь эта картина сдѣлалась уже большою рѣдкостью.

При описаніи весны, сочинитель, рассказывая о любопытныхъ, собравшихся смотрѣть на вскрытіе рѣкъ, прибавляетъ:

»Тутъ же появляются гречаники на лоткахъ, сластеницы съ жаровнями и открывается настоящій рынокъ... (стр. 111). «

Полно, такъ ли? Подобная обстановка можетъ быть въ мѣстечкѣ да въ торговомъ селѣ, которыхъ такъ у насъ мало; — но гдѣ же вообще по селамъ или хуторамъ, какъ ихъ называетъ г. Данилевскій, видѣль онъ такіе рынки?

»Идетъ май-цвѣтень. Скоро станетъ отъ жары и мошекъ скотъ *маиться* (?). Соловьиный день пришелъ и привелъ пѣсни »веснянки« на хутора. И точно — гдѣ тогда нѣтъ пѣсень? (стр. 120). «

Скотъ бѣгаетъ и мечется (по южнорусски *дрочится*, а не *маится*), въ іюльскіе жары. Что же касается до веснянокъ, то онѣ давно уже пропѣты въ послѣднихъ числахъ марта и въ первыхъ апрѣля, а въ маѣ — позабыты. Наконецъ, пѣсня подъ № 1 и не *веснянка*, а Богъ знаетъ какой редакціи. У г. Данилевскаго она вышла безсмыслицей, а въ народѣ, по моему, это — художественное произведеніе. Привожу доказательства. Вотъ переводъ г. Данилевскаго:

Ой подъ мостомъ, мостомъ
Трава зеленѣть;
За хорошимъ мужемъ
Жена молодѣть...
Ой подъ мостомъ, мостомъ,
*Плеснула*ся рыбка;
Я жъ у тебя, мать ты моя,
Все росту не шибко...
Пусти меня, мать, пзъ хаты
Я не *заплутаюсь* (?!);
Только парней подзадорю,
Да тѣмъ и покаюся.

А вотъ и подлинникъ:

Ой підъ мостомъ, мостомъ
Трава зеленіє,

А за добримъ чоловікомъ
Жінка молодіе.
Ой підъ мостомъ, мостомъ
Травѣ посихае,
За ледѣнимъ чоловікомъ
Жінка пропадае.
Пусті мене, мамо,
У степъ погуляти,
Буду траву прогортати,
Добленьки шукати.
Пусті мене, мамо,
У ставъ покупатись,
Буду плавати, пуринати,
Добленьки шукати...
Ой пі, моя мамо,
Де я ни ходила,
Та не знайшла тіі долі.
Що ти загубила.

Не грѣхъ ли знатоку народнаго быта пользоваться жалкимъ варіантомъ и ставить его въ число веснянокъ, не зная притомъ, въ какое время поются веснянки!

»Появилась сорока« (замѣтьте, дѣло идетъ о концѣ мая); «школяры несутъ учителю-дьячку »сорокъ бубликовъ (кренделей) (стр. 124).«

Дѣйствительно существуетъ обычай носить учителю бублики, которые, впрочемъ, ни-сколько не крендели, — но это дѣлается на сорокъ мучениковъ, въ праздникъ, бывающій задолго до мая мѣсяца.

»Съ Юрѣя скотъ ходитъ уже по опроставшимся сѣнокосамъ (стр. 125).«

Фраза совершенно непонятная. Что значитъ *опроставшійся* сѣнокосъ? По моему крайнему разумѣнію, это—пространство, на которомъ скошено сѣно. Однако, Юрѣя 23 апрѣля, слѣдовательно—это невозможно. Напротивъ, въ Украинѣ вообще до Юрѣя скотъ ходитъ гдѣ угодно, даже по всходамъ, а на Юрѣя, когда священникъ освятитъ, съ процессією, поля, пастухъ долженъ гонять стадо уже на толоку. — Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что освещеніе полей во многихъ мѣстахъ выводится уже изъ употребленія. — Можно бы подумать, что г. Данилевскій по ошибкѣ упомянулъ о Юрѣѣ, но на стр. 153-й онъ повторяетъ: »До Юрѣя скотъ пасется еще въ селахъ на толокахъ, а тамъ уже переходитъ на скошенныя поля.«

»Замолкла и кукушка. Украинцы замѣчаютъ, что она въ это время »подавилась мандрикою«, особенною лепешкою, какія пекутъ въ петровъ постъ (стр. 154).«

Повѣрье дѣйствительно существуетъ, но сочинителю слѣдовало бы объяснить, что мандрика не *особенная*, а сырная лепешка, которая печется только къ петрову дню, — ибо простолюдины не ѣдятъ въ постъ скоромнаго.

»Какъ я уже сказалъ, на Алешковскіе пески у Днѣпра, знаменитые своею »безкормицею«, мало ѣздить чумаки, а соль везуть на село Копани, гдѣ она грузится на барки и по Днѣстру« (очевидно опечатка) »ставится въ Херсонь.«

Странно встрѣчать подобное незнаніе мѣстности въ человѣкѣ, который заявляетъ, что лично дѣлалъ наблюденіе въ описываемомъ краю. Объ Алешковскихъ пескахъ спорить не буду, равно и о томъ, что чумаки не ѣздить на этотъ городъ. Но любопытно, гдѣ же взялъ г. Данилевскій на Днѣпрѣ село Копани? Кто это разсказалъ ему такую небывальщину? Чумаки не могли выдумать, а кто-нибудь да сыгралъ шутку съ почтеннымъ туристомъ. Точно, есть село Копани, но въ 35 верстахъ отъ Херсони — къ Николаеву, между тѣмъ какъ сочинитель положительно указываетъ, что тамъ грузится соль, да еще и на барки. Кто хоть мелькомъ наблюдалъ низовья Днѣпра, т. е. проѣхалъ по берегу, тотъ знаетъ, во-первыхъ, что по этой рѣкѣ нѣтъ *Копаней*, и что соль не можетъ грузиться на барки, потому что барокъ здѣсь рѣшительно не употребляютъ. Барки приходятъ сверху чрезъ Пороги, съ лѣсомъ и товарами, но, по прибытіи въ Херсонь, разламываются на дрова, или постройки. По низовьямъ Днѣпра ходятъ двухмачтовые лодки и дубы, и сколько я знаю, соль берутъ въ селѣ Козачьихъ-Лагерьяхъ, которое не далеко отъ Херсони.

»Подвалы хозяекъ наполняются бочками и флягами наливкою и водянокомъ, плодовыхъ квасовъ и морсовъ. (стр. 176).«

Любопытно бы знать, гдѣ это и когда жены чумаковъ нашли возможность ввести въ свой бытъ такую роскошь?

Читатель видитъ, что статья г. Данилевскаго не можетъ пожаловаться на недостатокъ промаховъ. »Чумаки« читаются легко и были бы занимательны, если бы сочинитель возможно-менѣе давалъ воли фантазіи. Наша личная просьба къ г. Данилевскому будетъ заключаться въ томъ, что если случится ему наблюдать простолюдина, то чтобы по двумъ-тремъ личностямъ онъ не судилъ обо всемъ сословіи.

А. Чужбинскій.

Декабрь 1860.
Петербургъ.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЗАМѢТКА

О РАБОЧЕМЪ СКОТѢ И О »ХВОРО́БЬ.«

Всякому, кто сколько-нибудь знакомъ съ сельскимъ хозяйствомъ въ Малороссіи, извѣстно, какое мѣсто занимаетъ въ немъ хлѣбопашество, и какое значеніе для хлѣбопашества имѣетъ рабочій скотъ. Не однѣ стародавнія привычки, не лѣность (въ которой такъ несправедливо и легкомысленно привыкли упрекать Малороссійцъ), заставляютъ удерживать систему обработки полей волами, а не лошадьми. Свойство почвы, разнообразіе зерновыхъ хлѣбовъ, у насъ обрабатываемыхъ и требующихъ глубокой распашки, — конечно, удержатъ еще надолго въ нашемъ хозяйствѣ воловъ, какъ необходимую рабочую силу, т. е. до тѣхъ поръ, пока у насъ не разведутся въ такомъ же количествѣ, какъ волы, рабочія нормандскія лошади, и наши обыкновенные плуги не замѣнятся повсемѣстно Англійскими плугами Гардера; а дожидать этого придется, я думаю, долго. И потому на-долго, очень на-долго, достаточность рабочего рогатаго скота будетъ непремѣннымъ условіемъ нашего хлѣбопашества, народнаго благосостоянія и богатства. При такомъ значеніи рабочего рогатаго скота въ нашемъ краѣ, съ промышленными интересами котораго связана не малая часть Россіи, нельзя не обратить особаго вниманія на непрерывно-возобновляющуюся, можно даже сказать, непрекращающуюся, болѣзнь, извѣстную подъ именемъ *скотской чумы*, дѣлающую ежегодно, то въ одной, то въ другой мѣстности Малороссіи, страшныя опустошенія. Если опустошенія эти чувствительны для каждаго помѣщика, разстроивая его хозяйство, то тѣмъ болѣе потеря рабочего скота не только разстраииваетъ, но надолго почти уничтожаетъ хозяйство крестьянина. Пара воловъ составляетъ главное, существенное основаніе благосостоянія, относительной независимости крестьянина: нѣсколько лѣтъ трудовъ посвящаетъ крестьянинъ, для приобрь-

тенія вожделѣнной пары воловъ; пріобрѣтя ихъ, — лѣлѣеть, бережеть, и вдругъ — зловѣщая вѣсть: тамъ-то появилась *хвороба!* (этимъ именемъ насылають Малороссіане чуму); *хвороба*, переносится съ мѣста на мѣсто, изъ села въ село, изъ хутора въ хуторъ, и плоды долголѣтнихъ трудовъ, сбереженій, разомъ погибають, и надо ожидать много лѣтъ, пока крестьянинъ вновь соберется на пару воловъ. Всѣ рекомендаемыя противъ чумы мѣры предосторожности, отѣпленіе, отдѣленіе больныхъ, подозрительныхъ, и прочее, очень хороши на бумагѣ, но не на дѣлѣ. Всѣ эти назидательныя мѣры, сопряженныя съ большими издержками и затрудненіями, едва ли могутъ быть примѣняемы въ самомъ благоустроенномъ хозяйствѣ богатаго помѣщика, и положительно не доступны хозяйству крестьянскому. Развѣ можно пресѣчь всѣ сообщенія съ селомъ, развѣ можно разгонять ярмарки, останавливать полевыя работы? а вѣдь болѣзнь, какъ извѣстно, заносится не однимъ прикосновеніемъ къ больному скоту, но и людьми, ихъ одеждою.

Поэтому, сознавая все значеніе рабочаго скота для земледѣлія въ Малороссіи, мнѣ кажется нужно не столько думать о томъ, какъ прекратить заразу, какъ ее лѣчить, какъ защититься отъ нея, а изслѣдовать постепенность распространенія и развитія заразы, и разрѣшить вопросъ — не было ли какихъ-либо постороннихъ причинъ, отъ которыхъ зависить бѣлая или меньшая степень воспримчивости рогатаго скота къ заразѣ? Предоставляю серьезныя, научныя, изслѣдованія специалистамъ, но мнѣ кажется, есть факты, которые бросаются въ глаза и не специалисту. Такъ, справясь съ прошедшимъ, мы приходимъ къ убѣжденію, что скотская чума, въ старые годы, не была такимъ нормальнымъ явленіемъ, какимъ она сдѣлалась съ настоящаго столѣтія ⁽¹⁾. Другая справка съ прошедшимъ указываетъ намъ на повсемѣстно-существовавшее въ Малороссіи обыкновеніе — давать рогатому скоту постоянно въ теченіи круглаго года, соль. Для этого употреблялась соль *ледянка* (каменная соль), доступная, по тогдашней цѣнѣ, 2 р. асс. ($37\frac{1}{2}$ к. сер.), каждому и не богатому крестьянину. Всякій старожилъ, конечно, помнитъ, что

(1) Отецъ мой, умершій, въ 1829 году, 84-хъ лѣтъ, рассказывалъ неоднократно, что скотская чума была совершенно почти неизвѣстна въ нашемъ краю; между тѣмъ, скотоводство всегда было въ немъ очень развито, чумачество было постояннымъ его промысломъ, и въ послѣднихъ годахъ прошедшаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго, было даже особое товарищество для торговли скотомъ съ Саксоніею. Родной дядя мой, Паськевичъ, былъ главнымъ агентомъ этого общества. М. Б.-К.

было время, когда въ рѣдкой крестьянской избѣ не было куска ледянки, и что такимъ образомъ огромное большинство рогатаго скота въ Малороссіи употребляло постоянно средство, признаваемое и наукою и практикою, какъ наилучшее для сохраненія здоровья, силъ и бодрости животнаго. Съ тѣхъ поръ, какъ цѣна соли, въ слѣдствіе акциза, возвысилась, ⁽¹⁾ употребленіе ея для животныхъ, особенно же ледянки, сдѣлалось недоступно въ крестьянскомъ хозяйствѣ, и весьма рѣдко даже въ хозяйствахъ помѣщичьихъ. Съ этимъ невольнымъ прекращеніемъ употребленія соли для корма рогатаго скота, начала чаще и чаще появляться въ Малороссіи скотская чума, и теперь не проходитъ года, чтобы она не произвела опустошеній то въ томъ, то въ другомъ уѣздѣ. Можетъ быть я и ошибаюсь, но мнѣ кажется, что совпаденіе распространенія скотской чумы съ прекращеніемъ повсемѣстнаго употребленія соли для рогатаго скота, которое сдѣлалось недоступнымъ по ея дороговизнѣ, что это совпаденіе не есть фактъ случайный, а заслуживаетъ серьезнаго изслѣдованія и вниманія тѣхъ, чье вниманіе и изслѣдованіе можетъ быть наиболѣе плодотворно и повело бы къ благимъ послѣдствіямъ.

М. Бѣлуха-Кохановскій,
помѣщикъ Полтавской губерніи.

1 декабря 1860.

Полтава.

⁽¹⁾ Поваренная соль стоить теперь, по средней цѣнѣ, до 60 коп. сер., а ледянка — 1 р. 80 коп. Огромная разница въ цѣнѣ той и другой можетъ довести мысль, что удобно замѣнить для корма скота одну другою; но эта замѣна невозможна, во первыхъ потому, что скотъ, будучи весьма жаденъ на соль, съѣсть ее вдвое и четверо болѣе, чѣмъ сколько можетъ ее слизать (ледянку онъ только лизеть), что выйдетъ на одно и тоже; а второе, и главное, потому что ледянка, въ своемъ химическомъ составѣ, имѣетъ весьма значное различіе отъ повареной. Она имѣетъ горечь, слѣдовательно дѣйствуетъ въ одно и тоже время, и на пищевареніе и на укрѣпленія желудка; известно, что, въ чумѣ, первымъ видимымъ явленіемъ есть пораженіе желудочно-кишечныхъ отправленій. М. Б.-К.

ЛИСТІІ СЪ ХУТОРА

ЛИСТЬ І.

Не дивуйтесь, добродію, що десь на хуторі довідались уже, що ви тамъ собі у столицяхъ думаете-гадаєте. Чутка про вашу *Оснóву* пройшла въ насъ по хуторахъ уже давненько. Спасибі вамъ за те, що ви нашого мановці українського не кїдаєте; а вже намъ бітий верстовий шляхъ очортівъ за сто роківъ. Прямуйте жъ, добродію, куді задумали, не хиблючи, та й про насъ, хуторянъ, дбайте не по-городянській. Всі бо письменні люде, окрічъ двохъ, або трьохъ, котóрихъ гóлосъ до насъ доходить, рають намъ своє хуторянське житті на міщанське міняти, бо, отъ, кажутъ, ви въ прóстихъ світахъ та сорочкахъ ходите, а той бітий и вїматий лю́дъ по городáхъ — одягний, náче пáнство, и гóрниці въ ёго на помóсті, и вікна въ ёго великі, и лáсо вінъ їсть, и солóдко вінъ п'є, и забавки въ ёго благородні, и до книжóкъ вінъ берётця охóчо, и незабáромъ зрівняетця освітою съ панáми и зъ Жидáми; а ви остаетесь у всіхъ позаду....

Коли́бъ мáли волю сі добродіі, то вже бъ давнó наші хуторі поспієували, росцініли всякий сту́пнь землі, позавóдили бъ на всякий ху́тірь по трахтірю зъ катерінкою, и бу́ло бъ у насъ такъ гáрво та лю́бо, якъ у нихъ отáмъ де-не́будь на Крестовському, або въ Соко́льникахъ, чи що. Родівшись у городáхъ, зрієши въ висóкихъ палáтахъ, вони нічо́го крáщого й не відумаютъ надъ свою пáнську, чи, якъ тамъ кажутъ, комфорта́бельну жизнь. А нашъ братъ, хуторянинъ, попáвши у ту камяну Москву, або

въ той безодний бурхъ, дівитця, ей же Богу, зъ великимъ жалемъ на той одягній та ласний людъ, дівитця та й думає собі: «Боже мій, Боже мій! якъ тутъ отсі пані, у сій тісноті, бідують! Золотомъ ссяє, у кареті їде, а якимъ въздухомъ дише!.. Такъ отсе вони, тіі роскоши?... Абó, мóже, отся грукотня, отсей гóмінъ, гáласъ, гукъ, свистъ,—чи не се та цоваба, котóрою насъ мánять пзъ тихихъ хуторівъ співучихъ до тої мизérної цивилізаціі?... Абó, мóже, отся дорожнѣта, що чоловікъ не прохарчѣтця и гнилітиною за ті грóши, що гіркою працею загоріе,—мóже, се вона, та краща дóля одъ нашої убогої, та не голодної дóлі?»

Промантáчились городяне на свої що-тижня новіі мóди; проілись на свої ласощи, проціндрили бáтьківщину на дорогіі забавки; пійшла половіна въ старці черезъ той дурний нáтовпъ, черезъ ту нависну дорожнѣту; то вже тепérъ нашого брата, хуторянина, до сéбе, до гóрту, да громади, до спільности закликають. Змилосérдились, бáтче, якъ тамъ кажутъ, гуманні люде, комфортабельні чоловіколюбці, що скілько-то народу по хуторахъ не знає великихъ благъ цивилізаціі, якъ отъ на Крестóвському óстрові мужики знають, що мати, мужичка въ панській шляпці, черезъ нóжду, абó черезъ ледáчу свою воспітанность, рідну дочку продає; змилосérдились надъ нашою темнотою, що ми, опрічъ ріллі своєї та пáсики, та чумацтва, абó прóстого шéвства, кравécтва, рíмарства, кушнірства, ткацтва, кова́льства, то щó такé, нічóго въ світі не знаємо, щó по чімъ купу́етця и прода́етця: скілько одступно́го взяти грішми, абó чимъ йншимъ, за рідного бáтька, ма́тірь, брата, сестру́ абó й дитину, якъ ча́сто (огó, якъ ча́сто!) бува́є по тихъ цивилізованихъ сто́ронахъ. Боліть у нихъ сéрце, у тихъ письме́ннихъ и друкованихъ городя́нь, що ми на́у́къ їхъ и словéсности писаної не знаємо; а про те сі добродіі й забу́ли, що на одну́ сотню ро́ківъ по пять разъ вони одъ старої на́уки й словéсности одцу́рувались, и самі ще не знають, які́ віри и які́о смаку́ бóдуть перéдъ смéртю. Ми жъ, люде прóсті, якъ навч́ились на варя́зькій чи на литóвській, абó польській панщині за плóгомъ дóбре ходіти и недолю́дківъ годувáти, то й дó-і сéбé самі́хъ и білору́кихъ городя́нь хлѣбомъ году́ємо. Се, зда́етця, не лука́ва на́ука; а въ васъ, городя́нь, е́сть и ехíдні на́уки: е въ васъ такі на́уки, щóбъ до віку ві́чного тілько самі́мъ у зóлоті купáтись; е въ васъ и такі́ на́уки, що хто ко́го проведé та

зневáцька насáде, тогó великимъ чоловікомъ величають. А въ насъ такихъ добродіівъ зовуть по-просту п'явками та людодамц; ми одъ такихъ, полі одрізавши, мусимо втікати, аніжъ свій рóзумъ и дýшу їхъ лукавою дорóгою пускати. Мóже, скаже хто, що не втечемо, ховаючись по своїхъ закапéлкахъ, що доберутця вони до насъ колись, якъ уже виссуть уся́гу свіжу силу округи себе, и що, заставши насъ невмілими своєї всемірної нау́ки, якъ-разъ підгорнуть підъ свою корми́гу, и б́уде зъ на́ми те, що зъ лóндонською и прлáндською бідотою: тимъ би то лóчче то́ї до́лі лихóї запобігаючи, самимъ намъ заворушитись у своїхъ хутора́хъ по-городя́нські и заздалегідъ уже городя́нського дýху и рóзуму набратись, бо, ка́жуть: *воронъ ворону очей не ви́кляє!* Та́къ насъ лякають и та́къ намъ ра́ють тіи вожакі городя́нъ, що в́идумали премудрость ище мудрі́йшу одъ Христо́вої! А ми спрóста, якъ намъ Богъ положи́въ на дýшу, одвіту́ємо: »То ще на-двоє ба́ба ворожи́ла, чи б́удемо ми въ городя́нъ підъ корми́гою, чи ні, а жи́довіти намъ... ні, се не по на́шій на́турі! Коли́ жъ уже спра́вді така на́ша до́ля, щобъ намъ до-віку не бу́ло просві́тку, то лóчче намъ усі́мъ одно́ на одному́ повмірати, аніжъ пзъ своєї пра́ведної віри та въ жи́дівську, городя́нськимъ рóбомъ, поперевертатись?«

Отó жъ нічого намъ, панóве городя́не, симъ дорекати, що ми, мужикуючи по хутора́хъ и сéлахъ, не такъ-то ква́нимось до всякої но́вої всемірної нау́ки, остаю́чись у панівъ и въ жи́дівъ поза́ду. Дýмаєте, мóже, що ми цура́ємось осві́ти? що въ обскуранти́змі, якъ мовля́єте, ми закоха́лися? що рóзумъ нашъ ле́жнемъ зви́къ пзъ да́вніхъ да́вeнь лежа́ти?... Ой, ой, ой! я́къ-то воно́ зда́леку хи́мерно вамъ усé зда́ється! Хтó жъ ви́ненъ тому́ обскуранти́змові, коли́ ви тільки городі́ зна́ли осві́тою забезпе́чувати, а намъ не да́ли во́лі, безъ свого городя́нського поря́дку, хотъ найме́ншу шко́лку, по грома́дському рóзуму, у себе на селі́ за́вести? Рóзумъ нашъ ле́жнемъ изви́къ лежа́ли? Якъ же б́ воно́ и́нше ста́лося, коли́ дити́ну для нау́ки тре́ба изъ сем'ї́ ви́рвати и міжъ такі́ лю́де засла́ти, котóрихъ не зна́ешъ и не віда́ешъ, якимъ вони́ дýхомъ ди́шуть и що́ сь тво́єї дити́ни зрóблять? Зновъ же й коштъ на ёго положи́ такий, за ту городя́нську нау́ку, щó, мóже, тільки сь тисячи въ одного́ господаря́ зна́йде́тця на те й до́ста́токъ. Уже́ жъ воно́, учившись тамъ міжъ городя́нськими дит́-

ми, и одъ прѣстої свѣтїни, и одъ прѣстихъ звичаївъ та й одъ рїдної мѣви своєї одвїкне. Який же зъ єго бѣде сѣмѣянїнъ у прѣстїй хатї, мїжъ прѣстими селянами? Лѣтче жъ ємѣ въ бѣтька та въ мѣтери прѣстого господѣрства навчїтись, а нїжъ чужїмъ у рїдну сѣмѣю сѣ тїмї наѣками вернѣтись. Отъ вонѣ, якъ у насъ рѣзумъ нашъ лѣжнемъ лежїть. Про се ви, городѣне, не турбѣйтесь. Мѣже, колїсь нѣша громада вѣораеця зъ дїломъ та полѣгодить дѣ-що, що ви жъ намъ, набїгаючи до насъ, для порядку попсо-вѣли, та тодї вже своєю волею и своїмъ рѣзумомъ розберѣ, до якѣї наѣки трѣба дїтѣмъ изъ-мѣлку вправлѣти, — тїлько такъ, щобъ и въ наѣку дїтїна вбївалася, и одъ лѣдѣчого товариства городѣнського не посовѣлася. Бо, по нѣшому прѣстому рѣзуму, то ще не велїке дїло, якъ однѣ знайтї, а дрѣге втерѣти. Спасїбї вамъ за тїхъ високовоспїтаннїхъ козѣчихъ, абѣ мужїчнїхъ, дїтѣй, що зъ нѣшимъ брѣтомъ не вмїе вже й заговорїти! Спасїбї вамъ и за тїхъ розѣмнїхъ людѣй, що якъ поваїздѣають изъ городївъ до насъ у гѣстї, то въ мѣтери сѣрце не на мїстї за своїхъ прѣстовѣтїхъ, непѣлѣханнїхъ нїщѣ, щїрїхъ душѣю дѣчѣмъ, пѣки панїчѣ сѣ хѣтора, абѣ зъ госпѣди не збѣде! Спасїбї вамъ за тїхъ вївѣленнїхъ женїхївъ, що своїми грїшми вѣблѣть до сѣбе найдорѣжшїй цвѣтъ хѣторѣнокъ и сѣлѣнокъ! Не хѣчемо ми нїякїхъ благъ цивїлїзѣцїї, колї, за сї бѣлага, дїти нѣши не вмїтимуть изъ нѣми, пїдъ нѣшу стѣрїсть, розмовлѣти, колї вонї насъ, а ми їхъ, черезъ їхъ велїку освѣту, не розумїтимемъ! Берїть собї на-вїки и не пѣкайте до насъ вѣшнїхъ малѣваннїхъ панїчївъ, що вмїють дївѣчимъ рѣзумомъ и сѣрцемъ, якъ пахѣщою квїточкою, що-дня мїнѣючи, забавлѣтись! Нѣхай догнївѣають у васъ по городѣхъ тїї пѣскрїбки цивїлїзѣцїї, що, мѣвъ зъ домовїни унїрї, на свѣжу кровъ кїдаються! И нѣхай лѣтче ми бѣдемо до вїку вїчнѣго въ лѣтанїї сїромѣзї ходїти, а нїжъ людський слѣзи квѣрѣтами мїрати!

Се вамъ, городѣнамъ, цивїлїзѣваннїмъ людѣмъ, одповѣдъ нѣша на вѣши зазїви до спїльностї зъ вѣми, до наѣки, до практичїї мѣдрѣстї, одъ котѣрої половїна зъ васъ у зѣлотї купѣеця, а половїна въ вонїчїй грѣзї тѣне, одъ пѣкѣльної робѣти чѣчверїе и зъ гѣлоду гїне. А що ми словѣсностї вѣшої кнїжнїї не знаємо, то скажїте самї: що жъ бї сѣ тѣго за добрѣ булѣ, колїбъ ми, сто лїтъ назѣдъ, те жъ самѣ, що й ви, читѣли, и тѣго самѣго смакѣ, що й ви, набїрѣлись, та начїтѣвшїсь и набрѣвшїсь тѣго

ліха, якъ жаба грязі, почали ва́шимъ робо́мъ у сво́іхъ хутора́хъ и се́лахъ ходіти? Чи ска́жете, мо́же, що то́ бу́ла па́косна, по́зичена словесно́сть, ко́торої ви вже тепе́рь одцура́лись и вже на́мъ тепе́рь хоро́ші кни́жкї друку́єте? Згада́йте жъ, бу́дьте ла́скаві, у ко́торий се вже разъ ви на́мъ такъ гово́рите, *ви*, письме́нні, горо́дянські лю́де, поча́вши съ то́го старо́давнього ві́ку, якъ ва́ши прапра́щури *смердомъ* на́шого брата́ записа́ли? А́жé жъ ви зна́єте по старо́світськихъ кни́жкахъ, що Іезу́їти и і́нші кате́лицькі по́пи, ще кра́ще одъ васъ гово́рили про ду́шевну осві́ту, и по се́лахъ босонóгі миссі́ї розси́лали, мовъ би но́вихъ апо́столівъ постано́вивши, и ба́гато зъ на́съ до то́ї омáни поква́пилось и одъ пр́остої ві́ри мужи́чої ⁽¹⁾ одщепи́лось.... Що́ жъ ви́йшло? Брехня́, та й го́ді!... Та чи одні́ жъ кате́лики по горо́дахъ лю́дей и вірша́ми, и вся́кою і́ншою словесно́стю обду́рювали? Істо́рія обману́ до́вша, якъ-би́ її списа́ти, одъ исто́рії щі́рої пра́вди, — що, якъ-би́ перетру́сити ве́і кни́гарні, якъ-би́ хто взявъ у ру́ки тако́го ці́на, щобъ увесъ то́й да́вній и неда́вній мо́тлохъ пере́молоти́ти, то чи́стого, пра́ведного зерна́ чи набра́лось би́ й съ ківшъ. Са́мі ви се до́бре зна́єте, а на́мъ изъ сво́їми кни́жками́ набива́єтесь.... О, бо́дай васъ, цивиліза́торівъ! У васъ усе́ тілько *сбытъ и потребление* на умі! и якъ-би́ весь миръ заки́півъ то́рго́мъ, то ва́мъ би́ й ра́ю Бо́жого не тре́ба.

Отъ же въ хутора́хъ не ду́же горо́дяна́мъ ві́ри дойма́ють. Мо́же, ви й спра́вді пороби́лись у́жé святи́ми, надиві́вшись на сво́ї старі́ грі́хї, та хто́ жъ на́мъ за васъ у пору́ки ста́не? *Зда́вся Ці́ланъ та на сво́ї ді́ти....* чи не така́ бу́де пору́ка? Ва́ша пра́вда — въ Бо́га на су́ді, а передъ очі́ма въ на́съ — тілько ва́ша кривда́, почина́ючи съ то́го да́внього ві́ку, якъ ва́ши письме́нні, вельмо́жні, и бога́ті пре́дки прозва́ли и записа́ли на́шого брата́ *смердомъ*. Тимъ-то й не йме́мо ми ва́мъ ві́ри, хочъ, мо́же, ви вже й присвя́тілися. Не ду́рно бо гово́рять: *Брехне́ю сві́тъ прійде́шъ, та наза́дъ не ве́рнесся!*... Що́ жъ на́мъ ва́ша словесно́сть дру́кована, ко́ли са́мі ви на́мъ изневі́рились?... Що́ ви її со́бі вподо́бали, се на́мъ байду́же, бо ви й про Вольте́ра (або́ ва́ши ді́ді, все одно́) на пупъ крича́ли, що прити́момъ сві́тъ

(1) Chłopska wiara — такъ ве́і кате́лики на Укра́їні зви́вали на́шу ві́ру въ XVI, XVII и XVIII ві́кахъ.

послі тьми осіявъ миръ; а Вольтеръ самъ написавъ, що слугамъ и черні нічого ёму сказати: се бѣ то ёго публіка — самі пані, самі просвіщенні. Ви такъ не говорите, якъ говоривъ и надрукувавъ великий учитель вашихъ прѣдківъ-городянъ. Ви вже не нахабою, якъ тоді водилося, а лагіднимъ словомъ, силкуєтесь прилучити насъ до гуманної (лучче бѣ гуманної) громади. Ласкавенько насъ величаєте мужичками, и вже солодкимъ панськимъ голоскомъ гукаете: *Паслушай! паслушай! эй ты! какъ тѣбѣ, любѣзнай, завутъ? Полно тѣбѣ сидѣть за чаркою на васкрѣснымъ днѣмъ съ сасѣдамъ: лучше нѣ, вотъ, почитай книжку, прасвѣтись малышка, друкъ ты нашъ спрѣдѣчнай!* И думаете, що въ васъ *есть* що сказати и слугамъ, и потѣмкамъ тихъ смѣрдивъ старосвітськихъ, що Варягамъ панщину робили. Эге, мабуть, що *есть*, коли мужичокъ и *друкъ спрѣдѣчнай* махає тѣлько рукою одвертаючись! Коли жѣ візьметця до книжки, то въ тій книзці не бѣде вашихъ химеръ солодкихъ: ту книжку написали люде, котѣрі самі знали нѣжду и напѣсть усяку, котѣрі не мѣались вѣхремъ зъ дзвонками черезъ убогі села, а своїми ногами заходили до людѣй у хату и на нѣву та, приголѣбивши до себе дѣтѣй мужичихъ, робѣмъ свого Учителя благого, — говорили праведнимъ словомъ до людѣй, навчаючи їхъ дѣши спасати, а не кишѣні грѣшми начиняти. Оттѣу книжку читали наші прѣдки за тѣсячу рѣківъ до насъ, та и казали: *правда!* Ту книжку и ми читаємо, та и говоримо: *правда, на-вѣки правда!*... А ви про свої книжки сто лѣтъ назадѣ кричали: *правда! ще краще одъ самої правди!* а тепѣрь про тѣ жѣ самі книжки на весь миръ репетуете: *брежнѣй! а отсѣ, що ми самі написали, отсѣ вже правда!* Такъ когѣ жѣ ви думаете морѣчити? малѣу дѣтѣину, чи щѣ? Малѣ дѣтѣина пѣйме вамъ віри, а мѣ, слава Бѣгу, тѣсячу рѣківъ, якъ себѣ зазнаємо и, почавши одъ 'Олегѣвъ, котѣрі до насъ на гѣтѣве прийшли, надивились доволѣ на всякихъ ошуканцѣвъ.

Булі видѣщѣ и салі,
 Булі и штѣтскѣ и воєнні,
 Булі и панскѣ и казѣнні,
 Булі мирѣне и попѣ.

Оттѣкъ ми, добродѣю, одказуємо тимъ економѣстамъ вашимъ столѣчнимъ, абѣ и тимъ практикамъ-поѣтамъ, котѣрі надѣ мѣщанина, та надѣ прѣсола, та надѣ цивилѣзованого куцака нічѣго и

кращого въ світі не знають. А ви, добродію, певно не пораете нашому брату, хуторянину, свій тихий холодокъ на ту грукотняву та спёку міняти, або съ простої світи въ тії дорогі одёжи вбіратися. На вашу *Основу* ми зъ доброю надією споглядаємо. Ми й самі вже такъ міркуємо: що нема и въ світі кращої одёжии, якъ наша проста світа. Якъ подумаешъ, черезъ якіі вчинки люде собі тії саєти та оксаміти добувають, то, далєбі, вона въ нашій думці сєє краще всякого дорогого каменю на тихъ жупанахъ, або широкихъ панєськихъ сукняхъ, — що ні одна жъ то гірка слєзіна на те шорсткє ткання не покотїлася!... Далєбі, здаєтця вона намъ якоюсь ніби святою рїзою; и въ одного Бога тїлько краща одёжа, якъ роскіне вінъ її одъ краю до краю небеси, усю въ зоряхъ блискучихъ.

Нехай собі грукотять и свїщуть чугунки, кому їхъ трєба. Колибъ намъ було трєба того дїва, то й ми бъ собі зробили, бо громада — великий чоловікъ и якъ схоче, то на все добре спроможетця. Що жъ, коли не прийшовъ ище нашъ часъ про чугунки дбати? Ще, мѳже, трєба пєрше дворї й хатї повимїтувати та тогдї й до більшого дїла братися. Атѳ — тутъ насъ смїттямъ и всякимъ гнѳємъ закидано, а намъ, забувши про свою бідолáшню госпѳду, слїдомъ за чужозѳмцемъ бігти!... Ні, ми такъ собі дїло розбїраємо, що, коли трєба на щось, щобъ однї люде, якъ отъ Ангелїєне, попєреду всїхъ ишли, то, мабуть, и те трєба, щобъ инші, якъ отъ ми, українські хуторїєне, позаду зоставалися. Коли трєба, щобъ однї по городахъ чѳчверїли, якъ отъ наші бѳрховці, то, мабуть, и тє трєба, щобъ дрѳгі по хуторахъ и сєлахъ мїцнїмъ, велїченимъ здоровьямъ, нáче дубї зелєні, твєрдо на своїй рїднїй землї стояли. Зновъ же, коли трєба на свїті такїхъ, щобъ усяку премѳдрѳсть кнїжню розумїли, то, певно, трєба й те, щобъ чоловікъ читáвъ тїлько однѳ кнїжку, великий Завїтъ великого всемїрнѳго Учїтеля, а Бѳжїй мпръ розумївъ бїльшъ сєрцемъ, нїжъ головою. Бо й самї отгї цивилїзатори нехай би рѳзумомъ своїмъ збагнѳли: що бъ то було, якъ-бї нашъ братъ оддáвся всею душею ще ієзуїтськїй наѳцї (а Ієзуїти пробували вчїти насъ и зъ голою шáблею)!... Цивилїзáцїя, кáжуть, вєдє чоловіка до всякого щáстя.... А якъ же нї?... Щѳ тодї, панѳве? дє тодї візьмете людѳєй свїжихъ душею и мїцнїхъ здоровьямъ, щобъ иншимъ рѳбомъ зѳпсѳвану по всїй землї жїзнь по-

правити?... Такъ покiньте жъ хочъ насъ, бiдьте ласкiвi, по хуторiхъ про запасъ: мiже, ми вiшимъ правнукамъ згодимiся. Пишiть собi тамъ и друкiйте що-хотi. Мiже, вонi й дiбре комy слiхати васъ, тiлько не намъ. У насъ, панiве, наiка своя, тисячолiтня: вона навчiла насъ бiльше слiхати праведного Слiва Бiжого, анижъ лукавi панськoi мiви. Колибъ ви такъ учiли, якъ учiвъ Христiсъ, то ми бъ васъ послiхали одразу, атi ви учите не Бiгови, а мамiнi служити; золотому iдолу розiмною своiю головою кланяєтесь, дiмаючи, що пiйшли ще дальшъ самi Евангелi.... »Просвiтились«, якъ той мовлявъ,

. . . . та ще й другихъ
Хочуть просвiтити;
Сiнце правди показати
Слiпимъ, бiдшимъ, дiтямъ....

Покiньте, кiжете, свої прiстi хуторiнськi звичаi — бiдете багатi. А на що жъ намъ, панiве, багатшими бiти? Хиба вь насъ iсти й пити нiчого, абi нема сорiчки, свiтiни й кожущини, абi не тiпло намъ у наiшiй хiтi, абi нема простiру кругiмъ хiти, абi нi за що намъ справити по своiму закiну весiлля, чи родiнъ, чи христiнъ, чи чогi? На що жъ намъ те навiсне багатство? Хиба на те, щобъ ожидовити? щобъ не така душi була вь насъ прiста и милосiрдна? Абi на те, щобъ, покiдавши свою дешiву, тисячолiтню одiжу, рвiтись усiма сiлами, щобъ на городiнську пиху спромогтись, на ту ледащiцю мiду, що на рiкъ по пять разъ перекрiює сiкню, наiче малi дитiна, гуляючи вь лiльки? Абi, мiже, на те, щобъ занедбавши свої прiстi звичаi, вкiнутись у той дурний комфортъ, у ту iдолеску рiскiшъ, що нема iй нi мiри, нi вiйну, нi насипту?... Дiбре намъ рiаете, спасiбi вамъ! А по-нашому, такъ чоловікови за своiю прiсту, домоткану свiту трiба обiма руками держатись. Се iго вiля! Се iго затiла одъ дiявольскоi покiси — мiди, котiра васъ, городiнъ, до тяжкoi робiти абi до лукавихъ вiгадокъ и вiдумокъ день и нiчъ поганiє. Тимъ-то боронi Бiже, якъ-би всiке вь насъ до книжокъ городiнськиихъ хапiлося, покiнувши своiю едiну книжку, та й поняло вiшимъ книжкамъ вiри бiльшъ, нижъ тiй спасiннiй, праведнiй книзцi! Було бъ, мiже, те, що всi зжидовiли бъ и за грiши рiднихъ батькiвъ попрода-

ли. Що тамъ десь, за моремъ, шматокъ Амэрики цивилизацію трóшки на добрий ладъ б́уцимъ-то справивъ, идучи попередъ усéго світу, то се ми зна́ємо и ра́дуємось. Нехай тимъ лю́дцямъ хоро́шимъ та богобоязли́вимъ и до конця́ сл́ужить форту́на у вели́кому ділі. Тільки жъ намъ ра́но ще слідо́мъ за ними бігти, не ви́правивши пер́ше съ тимъ, псѣ чимъ вони́ до́бре ви́боралися. Якъ же́ намъ, уда́вшись не по сво́єму ро́зуму и не по сво́й розу́мній во́лі, у цивилизацію, та тимъ тільки зроби́ти зъ се́бе ні Бо́гу свічку, ні чо́рту кочере́жку, то лу́чче намъ у сво́й шорсткі́й ко́рі ще ро́ківъ зъ со́тню пере́жити та то́гді вже і́ї зъ се́бе залу́щити, якъ не ста́не вѣ насъ на Вкра́їні де́-якої по́гані, ко́тора у вся́ке до́бре діло міша́єтця и вся́ке до́бре діло псу́є и нівечить.

Та́къ ми, добродію, про городя́нські нау́ки и городя́нську словесно́сть собі мірку́ємо. Прошу́ ва́шої ла́ски, надруку́йте сей листъ мій у сво́й *Осно́ві*. Нехай ти́ї комфо́ртабельні чо́ловіколю́бці не д́уже надъ на́шою до́лею вбо́ліваять. Не по́гана до́ля на́ша, хліборобська́ й чума́цька, хвали́ти Бо́га! Не промі́няємо ми і́ї на городя́нську, ніби-то кра́щу, и сві́ти сво́єї че́сної и непови́нної не оддамо́ ні за які са́єти и оксамі́ти. Ко́лі жъ мо́є сло́во припаде́ й-ге́ть-то ва́мъ до сма́ку, то я не зарі́каюсь до ко́жної ва́шої кни́жки сві́й листокъ до́ложити и про все, що́ ми, гу́ть сідя́, чу́ємо, або́ чита́ємо, и якъ про що́ собі поті́ху гу́торимо, ви́слебизува́ти. Ви сво́ю *Осно́ву* вида́єте про насъ, Укра́їнцівъ, то тре́ба і́ї зна́ти ва́мъ, якъ ми про що́ ду́маємо. Мо́же, добродію, и вѣ ва́ш у *Осно́ві* бу́де що́ не по-на́шому, то вже — виба́чайте — не вмо́вчимо, а такъ-та́кі, якъ воно́ зда́стця намъ, такъ ва́мъ гарне́нько й ви́співаємо. Хвали́ жъ одъ насъ ні́якої не жді́те, бо съ то́го ва́мъ користи́ бу́ло бѣ не ба́гато.

Х у т о р и я н и њ .

ВІСТІ.

ЗЪ ПОЛТАВИ.

(Декабрь 1860.)

.... Ми собі такъ мизькуємо, добродію, що »Осно́ва« повинна бѣ
бути на рідній українській мові, та вже ви, ма́бутъ, се діло зна́е-
те лѣчче, ніжъ ми. Отъ же ми все-таки бѣдемо сподіва́тись, що,
чимъ-да́льшъ, »Осно́ва« вся бѣде въ на́шій лю́бій мові,

»Що ма́ти співа́ла,
Якъ ма́лого сповива́ла,
Зъ ма́лимъ розмовля́ла.«

Українська мо́ва годі́тця не для одні́хъ вірші́въ; на їй и тепе́рь
мо́жна гово́рити й пи́сати *про все на́ше*, такъ-таки́, якъ и на
ї́ншихъ. Та́къ собі ду́маючи, пиш́у до ва́сь пе́рвні ві́сті по-на́-
шому; мо́же, на мій ли́стъ обі́звѣтця зъ дру́гїхъ сторо́нь розум-
ні́ши лю́де и при́датні́ше напи́шуть. Отта́къ, по-тро́ху, по-тро́ху,
та й дійде́мъ до то́го, що про все пи́сатиме́мъ по-у́країнськи. Бо
чи то́жъ-таки́ не со́ромъ — лі́зти до су́сїда въ ки́пінню за сло́-
вомъ? хиба́ у на́сь сво́го нема́? По́ра, по́ра на́мъ доду́матьця до
власно́ї лі́терату́рної мо́ви.

I.

Почина́ючи лі́сти зъ Полта́ви, першъ усе́го ска́жемо, що ми
не бѣде́мъ ду́же ши́роко розмовля́ти: бѣде зъ на́сь и то́го, що по-
дамо́ земляка́мъ зві́стку обѣ́ усякі́мъ грома́дські́м ді́лі, хоча́ бѣ
воно́ зда́лося їй непоказні́мъ, бо ко́жне грома́дське ді́ло — не саме́
ті́льки ді́ло, аб́о слу́чай, а ра́зомъ и вели́ка істо́рична робо́та.
Ні́ якé ді́ло само́-зъ-себе́ не ро́дитця. Не збу́дѣшъ бу́дїнку, не

поставивши зпершу сторчівъ; такъ-само и жодна розумна робота не буде міцна и кріпка, якъ не матиме підъ собою сторчівъ, — да не зразу вона й вийавитця. Одно коліно людей поставить сторчі для якого-небудь розумного діла; друге виведе, на тихъ сторчяхъ, стіни; трейте, зновъ, постановить крішу, а четвёртому вже доведеться тамъ и жити. Такъ на всімъ Божімъ світі рóbлятця громадські діла, — тіі будінки розуму, добра и слави. Хто до сего ще не додумався, нехай же пильно вдівитця въ жизнь якъ не свого, то іншихъ народівъ.

Скажемо свою коротеньку річъ до шанóвної громади. Любі мої земляки! Не рёмствуйте дуже на мене, коли, часомъ, чого не впо́дбаєте въ моїхъ лістахъ: бо ви добре знаєте, що се первий починъ писання вістей на нашій рідній мові. Чи спосóбна вона для такихъ листівъ — побачимо.

Почне́мъ на́ши ві́сті про Полта́ву зъ того, що найбли́жче ле́жить коло на́шого и грома́дського се́рця, въ чо́мý найбі́льший вжи́токъ для наро́ду вбача́ємо, що рóбить лю́дей и розу́мними, и до́б-рими, и правди́вими, — се б́ то гра́мота и шко́ли.

Зъ 1859 ро́ку на 1860, въ Полта́вськихъ шко́лахъ учи́лось: *хло́пцівъ* — въ гимна́зії — 371, въ каде́тському ко́рпусі — 371, въ духо́вній шко́лі — 193, въ повіто́вій — 40, въ прихо́дській — 42, въ шко́лі чистопи́сцівъ — 50, въ шко́лі п. Таке́са — 28, въ німе́цькій — 28 и въ євре́йській 19; *ді́вчатъ* — въ инсти́туті для панночо́къ — 208, въ при́оті — 37, да въ ча́стнихъ шко́лахъ п. п. Лерце́рь, Кемингъ, Дейнеки и Антипо́вої — 176, а всі́хъ хло́пцівъ и ді́вчатъ 1557. Здава́лося б́, що для го́рода, въ ко́трóму живе́ лю́дей 27,000, бі́льше й не тре́ба, — тільки́ ж́ ні. Сі́ми шко́лами ну́жда наро́ди́ей гра́мотності́ дуже не здо́вольни́лась, бо тутъ учи́лись ді́ти са́михъ бога́чівъ та пані́въ, а неспро́міжніхъ лю́дей. Зві́сне ді́ло: въ одній шко́лі — *штатъ*, у другій — *вєлі́ка пла́та*. Всі́ вбача́ли, яка вєлі́ка *тре́ба* наро́ди́ей гра́мотності́ у на́съ передъ очі́ма, всі́ зро́зуміли, що нау́ка и гра́мот-ність однакові́сенько по́лезні и ті́мъ, ко́трі ду́мають бу́ти ко-лі́сь су́дьями та ене́ралами, и ті́мъ, ко́трі весь ві́къ зві́кують — хто надъ обру́чємъ, хто за чо́ботомъ, хто за плу́гомъ. Де́нь одо дня, ча́сть одъ ча́су, ну́жда въ гра́моті́ чу́лася бі́льше и бі́льше. Спасі́бі Бо́гу, найшли́сь до́брі́ лю́де, що помо́гли наро́ду въ бі́ді, и 1860 рікъ на-ві́ки-ві́чні зо́станєтця памя́тнимъ для Полта́ви; бо

ще тільки недавно блиснувъ світъ грамотності на нашихъ тёмнихъ братівъ. П. Злигостовъ завівъ школу при городській тюрмі, и самъ чотирі рази у тиждень ходить учить тамъ дітей. Квітня 24-го одкрита у насъ недільна безплатна школа; въ неї, зъ першого разу, прийшло учитьця 35 душъ; міжъ ними були и семилітки и сороколітні; теперъ въ сій школі учитьця трόхи не 200 душъ. — Недавно педагогічна рада 'тєї школи випустила до громади печатний листъ, котримъ запрошує всякого, хто захоче завітать у школу, або на раду, виказувати чи на речахъ, чи на папірі, свої уваги и думки про школу. Се діло дуже добре, бо нехай буде хочъ який розумний чоловікъ, а все-такі громада розумний відъ ёго; сама громада повинна робити, и найлучче зробить, своє громадське діло.

Ще зъ 1858 року стали у насъ думать, якъ би завести дівочу школу: думали про се тільки самі учителі, а громада, мовъ вельможна пані, сиділа собі зложивши руки, а черезъ те и діло йшло дуже туго. Ми уже трόхи-трόхи не сказали, що ще не дорослі ми до того, щобъ заводити дівочи школи, ажъ-ось—то сякъ, то такъ, а добра думка не загинула безслідно, и 26 серпня одкрили Дівоче Училище, у котримъ теперъ учитьця 203 дівчатъ; міжъ ними є и панночки, и крепачки, и купцівни, и міщанки, и козачки. За Полтавську дівочу гимназію доволі уже говорили, а ми одъ себе скажемо тільки ось-що: якъ наша шановна громада и далі буде чужими руками жаръ загрібать, то гимназія, постоявши сімъ літъ, у которі ніхто зъ учителівъ не братиме плати за свою працю, на восьме літо бұхне; бо тоді буде потрібно що року 13,000 карбіванцівъ, — а де вони? Правда, Полтавська громада купцівъ (панська громада ще мовчить) положила давать одъ себе що року на гимназію 500 р., та й то, на раді у думі, одінь багатий купецъ загомонивъ такъ: «наша громада не тільки неповинна давать гроши на гимназію, а намъ и гимназія не потрібна: бо зъ неї вийде не польза, а такє безголівье, що й сказати не можна!» Що маєте робити! Е ще по світу люде и такі розумні, що кажуть: «по насъ, абі були діни да кавуні,— ми и безъ грамотності проживемо;—а-жъ батькі наші жили?»— и такі підсміюваті, що не тільки самі не вірять въ пользу одъ науки, а ще й другихъ лають и бьють за те, що здохочуютьця учитись.

Народня охота ясно показує, що потреба грамотності у нас ще не вдовольнилась и новими школами. Одному чоловіку в Полтаві прийшла думка завести в празники народні чтєнія и розкази про те, що повинне знати уське. Для народу се було б дуже добре діло, коли б воно не зосталося тільки одною думкою. Ще б краще, коли б завести у нас народній театр и книгарню, щоб кожному неспроможному можна було брати книжки и читати без грошей. В Полтаві є дві книгарні: Изопольскою и Чижаків, а ні в одній, да таки й нідє, нема дешєвих народних книжок. На що лґчче! у нас и досі нема, на нашій мові, святого Єванґелія! А привітця-лишє до сільських школярів, и зараз побачите, щоб то за велика була польза, коли б тих школярів учили не на церковній, а на рідній українській мові, котру дитина чула змалечку и котрою вона промовила перше слово. Не одбивалась би дитина одь родини, не лізла б в канцеляристи, а зоставалась б у рідній хаті, при своїй рилі, — здалась би на добро и собі й людам, — та й до науки бралися б охитніше; атó в Полтавській губернії на 130 селян доводитця *одін* тільки письменний... Чи тóж не сором?

ОЛЕКСАНДРЪ ПЕРЕХОДОВЕЦЬ.

ЗЪ Г. БОРЗНИ (ЧЕРНИГ. ГУБ.)

(29 ноября 1860.)

— — »Спасібі, кажутъ, спасібі за »Оснóву«, велике. А якъ якє спасібі, то й за гроші, мовляв, не купишъ. Нехай же вамъ Господь спорить... Коли уподобали моє *писанне*, то нехай воно вамъ б́уде *на вхідчину*, коли не побрєзгаєте и нашою крїхтою.

Що жъ вамъ доброго сказати? Теперъ 29-те ноября, а у нас гарно на дворі якъ у Бога за дверми: зєлено, якъ на весні; ўтки хлюпоцутця, а гуси усе герчєчуть и здіймаютьця, мов летіть хочуть. Люде кажутъ—гнила зима б́уде: горенько жъ наше, якъ снїгъ не вїпаде! И торішню зиму, у Пилипівку, ще пахали,—десь и теперъ такъ б́уде; усе то в світі змінилось... и люде. Було, объ Миколі уже й лашт́уєцца на Московщину зъ

України; було тільки й думки аби Сеймъ перемахнуť, щобъ лідъ не провалився підъ нами, теперъ—що ёго й робіти? и тамъ ще, кажуть, грязюка....

Ось щеще що: казану річъ вамъ скажу, а не свою. Дівчина одна мені такъ одповідала: »У насъ ё теперъ школа, и за старого пона була, да мало учениківъ. Накидомъ берё старшина учить, плачуть и кудкудачуть батько й мати, а треба 'ддять!... бачте, треба світочку шить, а ні-за-що спомогтися, и велять чисто водить. Иноді піпъ и самъ заходить по хатамъ, такъ ёму й говорять: »дайте чоботи дитині, да й берить.«

А у насъ, въ Бóрзні, и досі не видно недільної школи, бо нема одностайности, неоднóмства въ громаді.

ЗЪ-ПІДЪ ПІЖИНА (ЧЕРНИГ. ГУБ.)

— — Ось-що розказала мині одна перепечайка: »стали казати, що прислана така бумага, щобъ попі дітей учили грамоті, Бóже, якъ израділи! оце *моя* (дочка десятилітня) усе сидить у вікна, усе гулькь та гулькь у вікно: да чому́ уже той піпъ не йде? И я рада, щобъ учили мою дитину. Я у одному селі була, а тамъ дівчина п'ятнадцяти годъ—якъ гукне співать на криласі, дакъ и думаю: колібъ и мою взяли! такъ же причудёсно, якъ янгелі зъ неба. Да подумаешь—якъ жé житло такé, що вийде заміжъ, та несчасне б́уде, дакъ нехай́ учить: хочъ розумне б́уде. *Вонó* не багáто у мене зробить.—Отъ, діждáли, почали́ збирать дітей по селу: въ оди́нь дeнь три́дцять душъ. Зібрали молебна, до дакъ́ инше и не перехриститця-поспішае, да такъ и цілуе Евангеліе, такъ и падають, якъ тії овечята до водо́пояла.«

ИЗЪ ПОЛТАВЫ.

(6 декабря 1860.)

Полтавская Женская Гимназія. Добрыя дѣла имѣють истинное свое значеніе, когда совершаются въ тишинѣ, спокойно, безъ возгласовъ, безъ напращиваній на рукоплесканія, безъ разныхъ наружныхъ

обстановокъ. Это неоспоримая христіанская истина для тѣхъ, кто дѣлаетъ доброе дѣло: но она не обязательна для тѣхъ, кто его видитъ; постороннему свидѣтелю позволительно выявить доброе дѣло и возбудить къ нему сочувствіе общественнаго мнѣнія.

Въ этомъ убѣжденіи и съ этою цѣлью, я намѣренъ разсказать о происхожденіи и учрежденіи Полтавской женской гимназіи ⁽¹⁾. Официально называется она женскимъ училищемъ 1-го разряда, но учащіеся и все общество не называютъ её иначе, какъ женская гимназія, а потому и я удерживаю это названіе для женскаго учебнаго заведенія, открытаго въ Полтавѣ въ августъ мѣсяцъ 1860 года.

Я не нарушу той благородной скромности, съ которою началось, устроилось и осуществилось предположеніе объ этой гимназіи; я не назыву ни чьего имени, а постараюсь представить только бѣглый очеркъ знаменательнаго событія нашей общественной жизни.

Одинъ изъ преподавателей Полтавскаго кадетскаго корпуса, въ концѣ 1857 года, сообщилъ двумъ-тремъ своимъ товарищамъ мысль свою о пользѣ, которую могло бы принести, въ настоящее время, учрежденіе женскаго открытаго учебнаго заведенія въ Полтавѣ; для осуществленія такого предположенія, однимъ изъ надежныхъ ручательствъ признавалъ онъ согласіе учителей принять на себя безмездное преподаваніе въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Благородная мысль скоро встрѣтила сочувствіе. Не прошло недѣли, какъ болѣе 20 учителей кадетскаго корпуса, гимназіи, института благородныхъ дѣвицъ, выразили готовность жертвовать своими трудами. Въ то же время и въ томъ же кругу, супруги и сестры учителей изъявили желаніе принять на себя званіе классныхъ дамъ, и дежурить поочередно въ предполагаемой гимназіи. День ото дня увеличивался рядъ великодушныхъ людей, жертвовавшихъ своимъ трудомъ, и скоро не осталось въ Полтавѣ ни одного почти учителя, который бы не принялъ участія въ этомъ честномъ дѣлѣ.

Когда, такимъ образомъ, положено было основаніе предпріятію, учредители сочли долгомъ заявить о своемъ намѣреніи мѣстному начальству получили разрѣшеніе имѣть частныя совѣщанія, для составленія проекта гимназіи и обсужденія нѣкоторыхъ мѣръ для пріобрѣтенія необходимыхъ матеріальныхъ средствъ.

(1) По особому случаю, я имѣлъ возможность узнать всѣ сообщаемыя здѣсь подробности и буду радъ, если благородное дѣло получитъ наибольшую извѣстность посредствомъ журналовъ. *Соч.*

Между-тѣмъ, 29-го мая 1858 года, послѣдовало положеніе о женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, на основаніи котораго учрежденіе въ Полтавѣ женской гимназіи, могло принять офіціальную форму. Пока шла переписка, въ обществѣ начало болѣе и болѣе выражаться сочувствіе къ предположенію. Явились денежныя приношенія, подписки на ежегодный взносъ на извѣстное число лѣтъ, предприняты спектакли любительской, лотереи, и мало-по-малу къ тому времени, когда попечитель Кіевского учебнаго округа, Н. И. Пироговъ, разрѣшилъ открытіе женскаго училища, утвердивъ съ нѣкоторыми измѣненіями здѣшній проектъ, — въ пользу гимназіи уже составила наличная сумма до 3,400 р. да по подпискамъ на ежегодные взносы, отъ 5 и до 7 лѣтъ, 950 р. Но предстоялъ вопросъ: рѣшиться ли съ этими средствами открывать гимназію, на ежегодныя издержки которой, независимо отъ первоначальнаго обзаведенія, потребуется не менѣе 2,000 р. Собрались учредители — и твердые въ своемъ великодушномъ намѣреніи — трудиться безмездно въ теченіи 7 лѣтъ, твердые въ убѣжденіи пользы, которую принесетъ это учрежденіе, согрѣтые надеждою, что Богъ благословитъ честное, доброе дѣло, — единогласно рѣшили открыть гимназію съ перваго же полугодія академическаго 1860 года. Это происходило въ іюнѣ мѣсяцѣ; учредители изыскивали тогда же, изъ среды себя, распорядителей для отысканія помѣщенія, и приготовленія всего того, что называется первоначальнымъ обзаведеніемъ. Оставалось избрать начальницу для будущей гимназіи и выбрать палъ единогласно на супругу директора Полтавскихъ училищъ, г-жу Данилевскую.

Дѣятельность распорядителей дала возможность открыть гимназію 26-го августа. За двѣ недѣли до этого дня начались пріемные экзамены: на первый явилось 27 дѣвицъ; на второй 34, и по мѣрѣ того, какъ болѣе и болѣе распространялись въ обществѣ слухи о вниманіи, предупредительности, ободрительныхъ пріемахъ экзаменаторовъ, увеличивалось число желающихъ поступить въ гимназію: къ дню открытія было 136.

26-го августа совершилось открытіе гимназіи безъ всякой пышной постановки, безъ парадныхъ завтраковъ и неизбѣжнаго шампанскаго, — тою же скромностію, съ какою началось самое дѣло, и которая имѣетъ гораздо болѣе внутренняго смысла, чѣмъ натянутая, подготовленная, условленная и условная торжественность. Огромное множество посѣтителей наполняло довольно обширную залу гимназіи; тутъ были представители всѣхъ вѣдомствъ, — шитые мундиры и простые кафта-

ны; тутъ были нарядныя шляпки и платочки на головахъ и пестрая густая масса дѣтей разныхъ сословій и возрастовъ — воспитанницы открываемой гимназіи. Послѣ обычныхъ молитвъ, произнесли рѣчи одинъ изъ законоучителей, одинъ изъ преподавателей, и начальникъ губерніи. Тѣмъ торжество и кончилось; присутствующіе были одушевлены и поздравляли другъ друга. Съ чѣмъ?... Но объ этомъ — послѣ; здѣсь простой разсказъ событія, а не разсужденіе о женскомъ воспитаніи.

Черезъ нѣсколько дней начались классы. Число желающихъ поступить въ Гимназію прибавлялось съ каждымъ днемъ, и достигло такой цифры, что педагогическій совѣтъ долженъ былъ прекратить дальнѣйшій пріемъ, по совершенному недостатку помѣщенія. вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа воспитанницъ изъ всѣхъ сословій, росло и сочувствіе общества къ гимназіи. Сочувствіе это выразилось въ желаніи многихъ дамъ, (кромѣ тѣхъ, которыя приняли на себя званіе класныхъ дамъ еще до открытія училища), взять на себя такія же обязанности.

Полтавская женская гимназія, въ своей учебной организаціи и во многихъ другихъ отношеніяхъ, имѣетъ особенности, которыя ее отличаютъ отъ существовавшихъ до-нынѣ женскихъ учебныхъ заведеній. Гимназія раздѣлена на 7 классовъ; первый называется приготовительнымъ: туда поступаютъ, безплатно, дѣти незнающія вовсе грамоты, или знакомыя только съ азбукою; въ прочіе классы принимаются по экзамену и съ платою 40 р. ср. въ годъ за общій курсъ. Желаящія платятъ еще за обученіе музыкѣ 25 р. и танцамъ — 5 р. ср., въ годъ. Сверхъ того, желающимъ преподается англійскій языкъ, съ платою 2 р. ср. за урокъ, сколько бы въ классѣ ни было воспитанницъ. Последовательность преподаванія распределена такъ, что курсъ 2, 3 и 4 классовъ представляетъ законченость въ краткомъ объемѣ преподаваемыхъ предметовъ; съ 5 класса начинается высшее отдѣленіе гимназіи, и предметы преподаванія получаютъ большее развитіе; съ 6 класса входятъ въ курсъ педагогика, гигиена, очеркъ русскихъ основныхъ законовъ о государственномъ устройствѣ и о гражданскихъ правахъ, и домоводство. Кромѣ ученицъ, допускаются въ гимназію и вольныя слушательницы, которыя, за право слушанія лекцій, платятъ тоже 40 р. въ годъ. Въ настоящее время открыты 6 классовъ; въ 6-й классъ нѣкоторые поступили ученицами для продолженія своего домашняго воспитанія, и кончившія учебные курсы частныхъ пансіоновъ. Вольными слушательницами поступили кончившія или домашнее учебное образованіе, или пансіонское; многія изъ

нихъ посѣщаютъ всѣ лекціи 6 класса, другія только нѣкоторыя лекціи, по выбору ⁽¹⁾.

Наша гимназія не только открытое учебное заведеніе для учащихся, но также открыта и для общества. Всякій, сказавшись начальницѣ, можетъ посѣтить гимназію.

И вотъ, уже три мѣсяца какъ стройною, тихою жизнью живетъ Полтавская гимназія, приобретаая каждый день болѣе и болѣе довѣрія и убѣждаая общественное сознание въ пользѣ такого учебнаго заведенія. При видѣ той добросовѣстности, той любви, съ какою всѣ участвующіе въ этомъ добромъ дѣлѣ, исполняютъ принятія на себя обязанности, сочувствіе больше и больше распространяется въ обществѣ. Достойнѣйшій примѣръ подаетъ всѣмъ начальница. Счастливыя выбора нельзя было сдѣлать: дѣятельность г-жи Данилевской сосредоточена преимущественно на гимназій; ежедневно, отъ 9 до 3-хъ часовъ, она тамъ, внимательная ко всему и одинаково-ласковая ко всѣмъ воспитанницамъ, изъ которыхъ многія не привыкли къ ласкѣ и вниманію постороннихъ.

Полтава справедливо можетъ гордиться своей гимназіей, которая вызвана къ жизни единственно сознаниемъ пользы общественной, и соиздается не на богатія приношенія богатыхъ гражданъ, а на великодушную жертву тружениковъ, приносящихъ весь свой капиталъ — знаніе и время. — Пожелаемъ, чтобъ содѣйствіе общества соответствовало той пользѣ, которую, несомнѣнно, доставитъ ему это учрежденіе и тому благородству, терпѣнію и настойчивости въ стремленіи къ достойной цѣли, которое показали на дѣлѣ учредители. Христіанское общество должно помнить завѣтъ Христа: «кто приметъ одно дитя во имя мое, тотъ меня приметъ.»

Средства гимназій далеко несоразмѣрны съ ея назначеніемъ, и потому невольно представляется тревожный вопросъ: неужели это прекрасное явленіе нашей общественной жизни будетъ существовать только 7 лѣтъ! Собранныя до-сихъ-поръ сумма, ежегодные взносы, плата за право ученія и благотворительныя предпріятія, со всею вѣроятностію, покроютъ, въ теченіи 7 лѣтъ, издержки на наемъ помѣщенія, отопленіе, жалованье смотрительницѣ, прислугѣ и другія необходимыя издерж-

(1) Въ настоящее время составъ гимназій слѣдующій: начальница, учителей 68, классныхъ дамъ 42; ученицъ: въ 1-мъ классѣ въ 1-мъ отдѣленіи 37, во 2-мъ отдѣленіи 53; во 2-мъ классѣ 56; въ 3-мъ 23; въ 4-мъ 16, въ 5-мъ 11, въ 6-мъ 9. Вольныхъ слушательницъ 14. На жалованья: смотрительница гимназій, 4 служанки и 2 сторожа. Соч.

ки. Но когда къ этичь издержкамъ нужно будетъ присоединить самую значительную:—плату учителямъ, начальницѣ и класснымъ дамамъ,—откуда явятся на это средства??

Пусть разрѣшитъ этотъ вопросъ общество, т. е. — какъ я понимаю—соединеніе всѣхъ сословій, для которыхъ—для всѣхъ безъ различія — открыты двери женской гимназіи (1).

ЖИТЕЛЬ ПОЛТАВЫ.

ИЗЪ-ПОДЪ КІЕВА.

(17 декабря 1860).

Замѣтка о граматкѣ г. Кулиша, изданной въ 1857 году, въ Петербургѣ (2). Эта книжица, просмотрѣнная духовною и свѣтскою цензурою, и предназначенная для простолюдиновъ и для людей, не получившихъ школьнаго образованія, возбудила у насъ въ Кіевѣ различныя толки. Одни говорили: *благо!* другіе же: *ні, но льститъ азыки*. Хвалители съ хулителями діаметрально расходились во мнѣніяхъ. Появленіе и немедленное исчезновеніе *Грамматки* въ Кіевѣ и, вообще, на правой сторонѣ Днѣпра, казалось намъ необъяснимымъ и предвѣщало ей мало успѣха, не смотря на несомнѣнную и давнюю потребность въ книгѣ для народнаго обученія. — Между тѣмъ, Грамматка сдѣлалась рѣдкою; въ отвѣтъ на наше требованіе о высылкѣ довольно значительнаго числа экземпляровъ, насъ извѣщаютъ, что она ужъ разошлась. Кто были ея покупатели? Ужъ конечно не космополиты - Украинцы, которые пошли далѣе своихъ сѣверныхъ соплеменниковъ въ равнодушіи къ своей народности. И не тѣ также обитатели Украины, которые убѣждены, что въ ней долженъ господствовать исключительно языкъ Чарнецкихъ да Конецпольскихъ, или Ломоносова

(1) Редакція «Основы» съ удовольствіемъ будетъ отправлять, по назначенію, пожертвованія въ пользу Полтавской женской гимназіи и другихъ народныхъ училищъ, нуждающихся въ пособіи. Въ каждой книжкѣ «Основы» будутъ печататься свѣдѣнія о количествѣ и употребленіи пожертвованій, если они получатся.

(2) Справедливость и желаніе полиће и безпристрастіе изучать мнѣнія южнорусскаго общества побуждаютъ насъ напечатать это письмо, касающееся одного изъ главныхъ сотрудниковъ «Основы». *Ред.*

и Карамзина. Не жители столицъ и не жители большихъ городовъ. Кто же? Неужто убогіе поселяне, продолжающіе говорить роднымъ языкомъ въ своихъ семействахъ? Но вѣдь книжка не дешева для нихъ: *цѣна 50 к., съ пересылкою 70 к. сер.* Да и книжныхъ лавокъ въ утѣд-ныхъ городахъ у насъ не имѣется. Неужто они выпиывали изъ сто-лицъ? Дѣло невозможное! Издателя обвиняли у насъ въ высокой цѣнѣ, которую онъ назначилъ своей книжкѣ. Теперь, когда книжка разошлась, его будутъ обвинять еще больше. Говорятъ, *Грамѣтка* напечатана въ 3,000 экземплярахъ. Съ уступкой книгопродавцамъ 20%, и съ выче-томъ издержекъ на изданіе, она должна доставить чистой выгоды болѣе 1,000 р. сер. Это слишкомъ большое вознагражденіе за такой малый трудъ. »Не напрасно г. Кулишъ любитъ украинскую народность!« восклицаютъ у насъ нѣкоторые. »Онъ работаетъ для нея не изъ одной люб-ви къ предмету«, слышишь нерѣдко въ нашихъ кружкахъ (хотя этотъ путь къ обогащенію, если онъ возможенъ, никому не загражденъ). Но какъ же, въ самомъ дѣлѣ, разошлась *Грамѣтка*, напечатанная въ Пе-тербургѣ и опубликованная по высокой цѣнѣ? Мы объ этомъ развѣдыва-ли и считаемъ своею обязанностию довести до общаго свѣдѣнія слѣдую-щіе факты. Въ Кіевѣ проводятъ зиму два богатые украинскіе помѣщика, которымъ издатель продалъ 1,000 экземпляровъ *Грамѣтки* по 15 к. для раздачи крестьянамъ. Въ этомъ могутъ удостовѣриться многіе отъ нихъ самихъ, какъ отъ лицъ, очень замѣтныхъ въ нашемъ обществѣ. (Къ сожалѣнію, мы не вправѣ назвать ихъ здѣсь по именамъ). По расчисленію издержекъ на напечатаніе (просимъ принять въ соображеніе достоинство бумаги и печати, виньетки и переплеть) ⁽¹⁾ оказалось, что издателю самому обошелся каждый экземпляръ дороже 15 к. Послѣ это-го онъ продавалъ лицамъ, покупавшимъ книжку для убогой своей братіи, по 20 к. Мы знаемъ нѣсколько такихъ лицъ. Укажемъ еще на одинъ фактъ: въ Полтавѣ, просвѣщенные люди сдѣлали складчину, купили око-ло 500 экземпляровъ *Грамѣтки* по 20 к. сер. у комиссіонера г. Ку-лиша, книгопродавца Э. Г. Чижака, и роздали убогимъ горожанамъ и поселянамъ. Чтѣ мы должны заключить изъ этого? Тѣ, что *Грамѣтка* напечатана собственно для тѣхъ, которые въ книжныя лавки не ходятъ

(1) Видно, что г. Кулишъ занимался *Грамѣткой* съ теплою любовью, — не такъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ многіе производители книгъ для *низшаго класса*. Самый переплеть доказываетъ, что г. Кулишъ позаботился и о томъ, чтобъ деньга, добытая кровопотнымъ трудомъ, не пропадала даромъ, чтобъ книжка не обратилась въ оборванные куски, прежде нежели ее прочтуть.

и изъ большихъ городовъ книгъ не выписываютъ, а цѣна выставлена для людей, которые покупаютъ книги въ такую же цѣну, и которыхъ, на 5,000 экземпляровъ *Грамѣтки*, едва ли имѣлось въ виду и 50 человекъ. Дѣйствительно, намъ пишутъ изъ Петербурга, что про *Грамѣтку* и не слышать тамъ по книжнымъ магазинамъ.

Итакъ, вотъ у насъ какъ оцѣниваются труды на пользу общую, труды скромные (авторъ не выставилъ своего имени) и безкорыстные. О *Грамѣткѣ* г. Кулиша мы не читали ни одного печатнаго слова. Никто не обратилъ вниманія на замѣчательныя статьи, изъ которыхъ она составлена, на превосходный языкъ, какимъ она написана, а кривыхъ толковъ наслушались мы вдоволь. Нѣтъ больше *Грамѣтки* г. Кулиша въ продажѣ. 5,000 ея разошлось въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ появленія въ продажѣ. Покупателями ея были люди убогіе, или тѣ, кто объ убогихъ и малосвѣдущихъ заботится. Этихъ фактовъ довольно для того, чтобы издатель былъ доволенъ своимъ трудомъ, за который онъ, по видимому, не получилъ ничего и не рассчитывалъ получить что-либо. А кривые толки онъ долженъ былъ предвидѣть.

П. Горницкій.

ИЗЪ АНАПЬЕВА (ХЕРС. ГУБ.)

(20 декабря 1860.)

Гдѣ грамота — тамъ просвѣщеніе,

Гдѣ просвѣщеніе — тамъ добро.

А. Пушкинъ.

Спѣшу сообщить объ открытіи народной школы въ нашемъ околоткѣ, именно въ С. Черномъ-кутѣ. Школа эта устроена по мысли и желанію Николая Павловича Чернова, сына владѣлицы этого селенія. Преподаетъ въ ней Г. Шварцъ, кандидатъ правъ Кіевскаго Университета. — Когда я посѣтилъ школу, г. Шварцъ занимался съ своими слушателями урокомъ изъ географіи. Въ классѣ было 15 мальчиковъ, внимательно слушавшихъ преподавателя и съ толкомъ отвѣчавшихъ на вопросы, которые преподаватель задавалъ имъ въ теченіи своего разсказа.

Г-нъ Шварцъ держится прекрасной методы преподаванія на народномъ языкѣ, что для него, какъ для Нѣмца по рожденію, довольно трудно; но излагая свой предметъ потятно и занимательно, онъ постоянно поддерживаетъ вниманіе своихъ учениковъ. Принужденій въ этой школѣ никакихъ не существуетъ, приходятъ только желающіе. Въ день моего по-

сѣщенія было только 15 учениковъ, по случаю ненастной погоды, но въ другіе дни, по словамъ г. Шварца, собирается отъ 20 до 30.

При мнѣ и дѣвушки просили позволенія посѣщать школу, на что, разумѣется, изъявлено было полное согласіе. — Опасаюсь только за будущность этой школы, потому что г. Шварцъ, по обстоятельствамъ, врядъ ли долго здѣсь пробудеть, и врядъ ли найдется достойный ему преемникъ. — Но какъ бы ни было кратковременно существованіе этой школы, она все таки, при методѣ преподаванія г. Шварца, принесетъ пользу, возбудивъ въ молодомъ поколѣніи охоту къ ученію; а нашъ народный поэтъ говорить:

Разъ добромъ наліте сѣрце

Вікъ не прохолбне....

Михаилъ Левченко.

изъ Подолн.

(Декабрь, 1860.)

Сообщаю вамъ короткое свѣдѣніе о новомъ плугѣ помѣщика Подольской губерніи г. Краснова. Стараясь улучшить свое сельское хозяйство, г. Красновъ пришелъ къ убѣжденію, что вмѣсто введенія у насъ на югѣ заграничныхъ плуговъ, прекрасно примѣненныхъ къ мѣстнымъ требованіямъ, гораздо разумнѣе усовершенствовать нашъ, украинскій плугъ, съ недавня употребляемый въ черноземной полосѣ Россіи. Какъ бы ни была дурна конструкція послѣдняго, а все таки онъ не даромъ не могъ быть и до сихъ поръ вытѣсненъ изъ употребленія плугами иностранными.

Старанія г. Краснова увѣнчались значительнымъ успѣхомъ. Новый плугъ чисто желѣзный и, не смотря на то, не тяжелъ. Лучшимъ доказательствомъ его достоинства можетъ служить то, что многіе изъ окрестныхъ помѣщиковъ уже ввели его въ свои хозяйства, хотя онъ появился на свѣтъ только въ настоящемъ (1860) году. Цѣна его, на мѣстѣ — съ небольшимъ 16 р. с. Я слышалъ, что г. Красновъ намѣренъ устроить у себя большое заведеніе, въ которомъ будутъ изготовляться его плуги для продажи. Въ наступающемъ году я буду имѣть случай повѣрить собственнымъ опытомъ преимущества новаго плуга предъ другими. Продолжая постоянно на югѣ, постараюсь сообщать въ «Основѣ» свѣдѣнія о ходѣ мѣстной торговли и промышленности.

П. Ловко.

ВОПРОСЫ РЕДАКЦИИ.

1. Неизвѣстны ли кому неизданныя еще историческія думы, пѣсни и преданія, также рукописные старинные дневники, записки, историческія повѣствованія, подъ названіемъ хроникъ, хроничокъ, лѣтописей, повѣстей и т. п.?

2. Не занимается ли кто изслѣдованіемъ юридическихъ народныхъ обычаевъ, стариннаго общественнаго устройства и промышленнаго быта южно-русскихъ городовъ и мѣстечекъ?

3. Не имѣть ли кто у себя снимковъ съ разныхъ старинныхъ и современныхъ замѣчательныхъ почему-либо построекъ и, вообще, не занимается ли кто наблюденіемъ надъ народною архитектурою и разнаго рода украшеніями, изстари употребительными въ южно-русскомъ краѣ?

4. Нѣтъ ли у кого каталоговъ старыхъ библіотекъ и архивовъ?

5. Какъ идетъ у насъ межеваніе, какъ принимается оно народомъ и какіе народные обычаи наблюдаются на югѣ при межеваніи?

6. Каковъ въ нынѣшнее время ходъ книжной торговли на югѣ, какія книги преимущественно раскупаются и читаются, сколько и какихъ именно журналовъ и газетъ наиболѣе выписывается въ разныя мѣста южно-русскаго края? Гдѣ и какія на югѣ типографіи?

Редакція принимаетъ на себя издержки какъ на доставленіе ей разныхъ матерьяловъ въ подлинникѣ или спискѣ, такъ и на почтовую переписку. Доставленные рукописи будутъ, по минованіи въ нихъ надобности, возвращены въ полной сохранности. Уплата издержекъ можетъ быть сдѣлана деньгами или почтовыми марками, вложенными въ письмо.

Редакція проситъ читателей обратить вниманіе на объясненіе къ программѣ «Основы» и содѣйствовать ея задачѣ сообщеніемъ сообразныхъ съ программой статей и свѣдѣній, касающихся разныхъ сторонъ южно-русской жизни.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦИИ.

Н. П. Б-л-у-Н-с-у, въ Прилуки. Редакція весьма благодарна за доставленіе ей сочиненій П. П. Она дастъ объ нихъ отчетъ по прочтеніи, а между тѣмъ усердно проситъ сообщить подробное жизнеописаніе П.

П., или, по крайней мѣрѣ, свѣденія о дѣятельности его какъ педагога, и о послѣдствіяхъ этой дѣятельности.

Д. П. Г-в-р-л-у, въ Черный Ярѣ. Ожидаемъ обѣщанной статьи, чтобъ потомъ, согласно вашему желанію, высказать вамъ мнѣніе наше и о другихъ вашихъ опытахъ; а между тѣмъ просимъ васъ собрать свѣдѣнія о переселенцахъ съ юга въ Астраханской губерніи.

Н. С. Г-р-б-н-у, въ Одессу. Не получивъ отвѣта на письмо отъ 23 сентября, редакція находится въ неизвѣстности, какъ поступить съ статьею: «Очерки» — и проч. Она можетъ быть напечатана въ «Основѣ», только съ весьма значительными сокращеніями и на опредѣлительныхъ условіяхъ, какіе сообщите, если, разумѣется, они будутъ приняты редакціею.

В. Эд. Д-к-у, въ Ахтырку. Редакція можетъ назначить плату за юридическіе акты только по разсмотрѣніи и опредѣленіи ихъ важности. — Архивъ, хранящій въ себѣ, по вашимъ словамъ, бумаги, писанныя за 600 лѣтъ до нашего времени, представляетъ необычайное у насъ явленіе. Хорошо ли вы ихъ разобрали??

Г.-Ө. К-ст-н-у, во Владимирѣ. Весьма вамъ благодарны за письмо и за пѣсню.

П. Ал. Л-к-у, въ Харьковѣ. Съ благодарностью принимаемъ ваше предложеніе — сообщать свѣденія о ходѣ торговли и промышленности на югѣ, и будемъ ожидать ихъ съ нетерпѣніемъ.

Неизвѣстному въ Козелецѣ. Весьма благодарны вамъ за присланные по почтѣ юридическіе акты прошлаго столѣтія.

Н. Ив. Н-в-у, въ Одессу. Ждемъ отвѣта на наше письмо и надѣемся, что ваши труды будутъ полезны «Основѣ».

П-р-л-к-н-му, въ Таганрогѣ. Ваши стихи «К-б-нь Дн-пр-і» не могутъ быть напечатаны въ «Основѣ». Земля В. Ч-м-го или К-б-н-го всегда будетъ входить въ кругъ предметовъ нашего вѣстника, такъ какъ онъ посвященъ изученію всего края, населеннаго южно-русскимъ народомъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ УКРАИНСКАГО СЛОВАРЯ.

Давно я началъ собирать матеріалы для украинскаго словаря, но безпрестанно попадающіяся въ печати и въ народномъ говорѣ новыя слова убѣждаютъ меня, что языкъ украинскій далеко еще не исчерпанъ моимъ собраніемъ. Между тѣмъ, съ каждымъ годомъ, надобность въ

украинскомъ словарѣ дѣлается настоятельно. Откладывать его изданіе до тѣхъ поръ, пока онъ не вберетъ въ себя всю наличность живой украинской рѣчи—значило бы останавливать, въ нѣкоторой степени, изученіе нашего языка въ читающемъ обществѣ, котораго вниманіе возбуждено въ послѣднее время нашею изувною и письменною словестностью. Сознаніе недостаточности моего собранія удерживаетъ меня отъ изданія далеко неполнаго лексикографическаго труда, но желаніе содѣйствовать уясненію украинской народности побуждаетъ меня сдѣлать общедоступнымъ многое, чтó до сихъ поръ было извѣстно только специалистамъ. Рѣшаюсь напечатать свой украинскій словарь въ томъ видѣ, въ какомъ онъ у меня находится. Но, какъ составленіемъ подобнаго словаря, безъ сомнѣнія, занимаются многіе неизвѣстные мнѣ любители нашего роднаго слова, то я прошу ихъ прислать мнѣ свои сборники. Печатаніе словаря не можетъ идти быстро, по необходимости—держатъ корректуру нѣсколькимъ лицамъ, а потому всякая присылка поспѣетъ во-время. Кроме того, я нарочно откладываю печатаніе до февраля, настоящаго года, чтобы дать время прислать ко мнѣ вспомогательные матеріалы. Считаю нужнымъ прибавить, что словарь мой будетъ заключать въ себѣ, во первыхъ, слова, употребляемые народомъ въ разговорахъ; во вторыхъ, слова, выбранныя изъ народныхъ пословицъ, пѣсень, преданій, сказокъ и т. п.; въ третьихъ, слова, содержащіяся въ сочиненіяхъ лучшихъ нашихъ писателей. При каждомъ словѣ будетъ одинъ или нѣсколько примѣровъ его употребленія. Для того, чтобы представить слово не въ изолированномъ, сухомъ, лексиконномъ видѣ, а въ его живой обстановкѣ, я выбиралъ лучшія, характеристическія мѣста изъ народной поэзіи и литературы. Такимъ образомъ, словарь мой будетъ вмѣстѣ и хрестоматія небольшихъ отрывковъ, которыхъ чтеніе познакомитъ cadaго съ нашей рѣчью, въ разнообразныхъ ея примѣненіяхъ. Въ предисловіи къ словарю будетъ помѣщена краткая грамматика украинскаго языка.

Какъ ни мало удовлетворяетъ самого меня этотъ лексикографическій трудъ, но появленіе-то его въ его несовершенномъ видѣ и вызоветъ скорѣе всего замѣчанія и дополненія, которыхъ теперь мнѣ не достаетъ, для окончательной его полноты и совершенства, при всемъ содѣйствіи, которое мнѣ оказываютъ нѣсколько моихъ соотечественниковъ, работающихъ здѣсь въ Петербургѣ, вмѣстѣ со мною на литературномъ прищѣ, именно: А. М. Барвинокъ, В. М. Бѣлозерскій; Н. И. Костомаровъ, А. В. Марковичъ, Н. Д. Мизко, М. Т. Номисъ, А. Л. Пестржецкій, Т. Г. Шевченко, М. Г. Щербакъ и другіе.

П. Кулишъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ РИСУНКОВЪ ИЗЪ ЮЖНОРУССКОЙ ПРИРОДЫ И ЖИЗНИ.

Во время своихъ путешествій по разнымъ частямъ Россіи, я собиралъ народныя сказки, преданія, повѣрья и пѣсни, а также старался схватить особенности лицъ и одеждъ, различныя мѣстности и проявленія архитектурнаго вкуса, доказывающія возможность существованія нашего самобытнаго народнаго зодчества. Изъ собраннаго мною запаса рисунковъ и замѣтокъ, я издаю тѣ, которые относятся до Украины, надеясь этимъ принести пользу; сколько-нибудь ускоривъ изученіе нашей народности.

Если это собраніе рисунковъ заслужитъ вниманіе хотя немногихъ просвѣщенныхъ любителей южно-русской народности, — ежели мой трудъ пробудитъ искреннее сочувствіе хотя бы въ одномъ сердцѣ и *положитъ начало новому, болѣе обширному, собранію*, — то цѣль моя достигнута.

Для доставленія предлагаемому изданію болѣеи достовѣрности, и для облегченія любителямъ наводить справки, — при каждомъ рисункѣ будетъ указаніе — съ чего и когда онъ сдѣланъ. О художественномъ достоинствѣ рисунковъ — буду стараться по мѣрѣ силъ.

Какъ было бы любопытно увидѣть теперь подобное собраніе рисунковъ не только изъ жизни отдаленныхъ временъ Козачества, но и гораздо позднѣйшихъ! Какая это была бы подмога теперь, для историческихъ картинъ, для этнографіи, археологіи и самой исторіи! Иногда безъ лица объясняетъ цѣлый рядъ вѣрованій и историческаго развитія.

Трудъ мой не есть специальное изданіе древностей, археологіи, или народной архитектуры: сюда войдетъ все это, какъ часть цѣлаго, въ связи съ современною жизнію, — какъ впечатлѣнія путешественника. Собирая рисунки, я не всегда имѣлъ возможность оканчивать ихъ на чистѣ, а потому они и будутъ передаваемы въ томъ видѣ, въ какомъ были сдѣланы, безъ малѣйшаго дополненія или измѣненія. Я дорожилъ

чертою, которую добылъ съ натуры, и не позволялъ себѣ дальнѣйшаго окончанія въ кабинетѣ, боясь впасть въ ошибки отъ самовластныхъ догадокъ.

Я буду благодаренъ каждому за всякое дѣльное замѣчаніе, — а тѣмъ болѣе — за доставленіе мнѣ рисунковъ современныхъ ли, съ натуры, — или старинныхъ; но прошу *точно* указывать — гдѣ рисунки собраны, отъ кого получены, въ какое время, съ чего сняты и, даже, при какихъ обстоятельствахъ. Поясненія къ рисункамъ, иногда довольно пространныя, будутъ, по мѣрѣ надобности, помѣщаемы въ «Основу».

Я готовъ помѣщать въ своемъ изданіи также и произведенія художниковъ, изображающія мѣстность и жизнь южно-русскую, но только тогда, когда буду имѣть возможность — сдѣлать съ оригинала снимокъ самый точный, вполне передающій мысль и чувство художника.

Изданіе поступить въ продажу съ *апрѣля мѣсяца* настоящаго, 1861, года будетъ выходить два рисунка каждый мѣсяць. Хотя выпускъ рисунковъ начнется съ апрѣля, но въ теченіи года выйдутъ всѣ 24 рисунка.

Имѣя прямое сношеніе съ Парижемъ, и получая матеріаль оттуда изъ первыхъ рукъ; рисуя, гравирова и печатаю самъ, — я избавляюсь отъ большихъ издержекъ, и потому могу избавить и публику отъ лишняго расхода, назначая цѣну: *4 р. ср. съ пересылкою* за годовое изданіе, состоящее изъ 24-хъ рисунковъ, — *для тѣхъ лицъ, которые подписались на «Основу»*, а для прочихъ — *5 р. ср. безъ пересылки* и *6 р. ср. съ пересылкой*; — отдѣльно, за каждый рисунокъ, 30 коп. сер., а за всѣ 24 рисунка, вмѣстѣ, когда они будутъ изданы, значится цѣна *6 р. ср. безъ пересылки*.

Всѣ рисунки будутъ гравированы на мѣди, отпечатаны на китайской бумагѣ, и наклеены на толстую, бѣлую, лучшую французскую бумагу, въ размѣрѣ «Основы». Иногородные будутъ получать рисунки ежемѣсячно.

Желающихъ получать мей *Украинскій Альбомъ* покорнѣйше прошу четко и точно прописывать свою фамилію и мѣсто жительства и обращаться съ требованіями на имя *Льва Михайловича Жемчужникова*, въ *С. Петербургъ*, на *Васильевскомъ островѣ по 10 линіи*, въ домъ *Соловьева*; или на имя редактора «Основы», *Василія Михайловича Бялозерскаго*, въ *С. Петербургъ*, у *Круглаго рынка*, въ домъ *Принца Ольденбургскаго*.

ЛЕВЪ ЖЕМЧУЖНИКОВЪ.

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 1-й книжкѣ «ОСНОВЫ».

Замѣтка. Прилагая объясненіе неудобопонятныхъ южнорусскихъ словъ къ первой книжкѣ, редакція намѣрена продолжать это во все время изданія «Основы», но для избѣжанія напрасныхъ повтореній, въ послѣдующихъ книжкахъ будутъ помѣщаемы тѣ только слова, которыя не вошли въ предшествовавшія.

Южнорусскій языкъ, которымъ говоритъ 14 милліоновъ народа, на огромномъ пространствѣ, съ весьма разнообразными мѣстными условіями климата, почвы, образа жизни, исторіи, вѣрованій, характера и нравовъ, отразилъ въ себѣ это разнообразіе природы и жизни, и сложился въ нѣсколько нарѣчій и говоровъ.

При недостаткѣ у насъ словарей, путешествій, народоописаній, никто, безъ-сомнѣнія, не можетъ похвалиться совершеннымъ знаніемъ всѣхъ оттѣнковъ южнорусскаго языка. Мы не разъ были свидѣтелями филологическихъ споровъ, которые ничѣмъ не рѣшались, въ которыхъ противники не убѣждали ни себя взаимно, ни слушателей, оттого, что каждый зналъ лишь большую или меньшую часть (но только часть) своей родной земли, прислушался къ говору, видныхъ лишь съ своего берега, волнъ широкаго, вѣками образовавшагося, моря народной рѣчи.

Съ тѣхъ поръ какъ стали внимательнѣе изучать человѣка вообще, важность познанія какого бы то ни было языка, хотя бы самого бѣднаго, признана всѣми. Познаніе *нашего* языка, во всей его обширности, важно какъ средство для полнѣйшаго выраженія жизни, думъ чувствъ нашего народа, какъ необходимое естественное орудіе для его образованія. Изданіе южнорусскаго словаря, предпринимаемое

П. А. Кулишомъ, восполнить одинъ изъ чувствительнѣйшихъ недостатковъ нашего языкознанія, но этого еще мало. Словарю необходимо держаться опредѣленной системы, а извѣстно, что никакая система не въ состояніи объять всего разнообразія жизни, всѣхъ, часто мало-замѣтныхъ, почти-неуловимыхъ, тонкостей и особенностей живаго народнаго слова. Чтобъ приблизить время полнѣйшаго филологическаго познанія или по крайней мѣрѣ подготовленія данныхъ для обработки нѣкоторыхъ частей въ нашемъ языкознаніи, для грамматики, фонетики, и т. д., редація «Основы» признаетъ единственнымъ, возможнымъ въ нынѣшнее время, средствомъ — просить всѣхъ, кто знаетъ народный языкъ, или можетъ, по мѣсту своего жительства, прислушиваться къ народному говору: 1) сообщать въ редакцію «Основы» замѣчанія обо всѣхъ отличіяхъ (въ произношеніи, удареніяхъ, значеніи словъ и т. п.) мѣстнаго нарѣчія отъ того, какое употребляется писателями, участвующими въ «Основѣ»; 2) независимо отъ этихъ частныхъ замѣтокъ, сообщать и самыя краткія и отрывочныя наблюденія надъ языкомъ, и болѣе значительныя филологическія труды; 3) съ величайшею точностью и подробностью указывать мѣстность, а если возможно — происхожденіе, состояніе и мѣсто жительства лица, отъ котораго услышано слово или выраженіе, въ новомъ видѣ, даже самыя обстоятельства, при которыхъ сдѣлано наблюденіе; и 4) при доставленіи руководствъ по разнымъ учебнымъ и хозяйственнымъ предметамъ на народномъ языкѣ (*), объяснять — какова нарѣчія сочинитель держался при составленіи своей книги, — гдѣ встрѣчалъ малоупотребительныя слова, имъ принятыя, — какимъ соображеніемъ онъ руководствовался, составляя новыя слова для выраженія новыхъ понятій, и для названія предметовъ, не вошедшихъ еще въ кругъ народной жизни, и почему предпочелъ свое слово тому, которое, съ подобнымъ же значеніемъ, употребляется въ живой рѣчи, въ изустной словесности, или же въ письменныхъ, старинныхъ и новѣйшихъ, произведеніяхъ.

Дѣло создается совмѣстнымъ трудомъ многихъ. По частнымъ замѣткамъ, дружно и добросовѣстно собираемымъ, мы мало-по-малу уяснимъ себѣ и другимъ нашъ языкъ во всемъ его объемѣ и положимъ начало той обработкѣ роднаго слова, которой уже достигли другіе наши

(*) Редація уже имѣетъ ввиду священную исторію, ариметику и геометрію и неалаж бы получить географію, космографію, физику и проч.

соплеменники съ помощью многих писателей, обществъ, академій, журналовъ, и т. п. Разумѣется, нашъ трудъ будетъ полонъ недостатковъ; мы слишкомъ отдалены отъ народа, чтобъ создать литературный языкъ, который обнялъ бы весь духъ его и поднялъ на высшую степень его нравственное развитіе; многое изъ того, что намъ теперь нравится, народъ со временемъ, быть можетъ, отвергнетъ; но тѣмъ почтеннѣе будутъ въ глазахъ его безкорыстные усилія людей, разрабатывающихъ родной языкъ съ главною цѣлью—послужить честно нашимъ *хліборобамъ*, нашей сиротствующей въ утѣвительномъ уединеніи, братіи, такъ долго и терпѣливо намъ служившей,—послужить въ томъ, чѣмъ теперь некогда ей заняться. — В. Б.

Абй—лишь бы.

Абó—или; развѣ.

Авжѣжъ—конечно, разумѣется.

Аделі, аделѣ, а далі—затѣмъ; наконецъ.

Ажѣ—вѣдь.

Багатірь, -ъ—богатый, богачъ.

Багато, багачько—много.

Баділле, баділла—ботва, бурьянъ, большіе стебли грубыхъ травянистыхъ растений.

Байдуже—нипочемъ, все равно.

Байракъ—долина, поросшая лѣсомъ.

Балакати—говорить, разговаривать.

Барвінокъ (vinca)—любимое народомъ растеніе, не теряющее зелени и зимою.

Баритись—мѣшкать.

Баштанъ—бахча.

Бджола—пчела.

Безпаісний—безпечальный, блаженный.

Безсумний—беззаботный, веселый.

Бідолака, бідолаха—бѣднякъ.

Бігти—бѣжать.

Бодай—т. е. Богъ дай—пускай.

Божевільний—помѣшанный.

Боржій—скорый.

Борікати—бодать.

Боронити—препятствовать, запрещать; оборонять.

Бóрошно—мука.

Бóязко—робко; страшно.

Благашій—умоляющій.

Бліскавка, вїця—молнія.

Блукати—съ—волочиться, бродить.

Брама—большіе ворота.

Братъ у-другихъ—двоюродный братъ.

Брехій—ложь.

Бублѣшниця, бублѣйниця—приготавливающая и продающая бублики.

Бубликъ—баранокъ, обварной крендель.

Бубонці—бубенчики.

Будінокъ—зданіе; господскій домъ.

Будка—бричка.

Бузувиръ—басурманъ, изувѣръ.

Бурлакувати—оставаться неженатымъ.

Буча—шумная ссора.

Бучий—пышный, роскошный, шумный.

Вадити—вредить, злоумышлять; клеветать; тошнить.

Важитись—отваживаться, рѣшаться.

Важко—тяжело.

Вапѣнникъ—производитель извести.

Варта—стража.

Вартувати—сторожить.

Вбачається—усматривается, видно.

Вбїратись—одѣваться.

Вважати—обращать вниманіе.

Вважливо—внимательно.

Ввїчливий—внимательный, предупредительный.

Вгавати—умолкать, утихать; переставать.

Вдѣча—характеръ; удача.

Вдягати—одѣвать.

Вѣлко—много.

Величѣнный—огромный, большущій.

Вередовати — капризничать, прихотничать.

Вёрхи—верхомъ.

Весілля—свадьба.

Вжахну́тись—испугаться, встревожиться.

Вибача́ти—извинять.

Ви́гадка—выдумка, затѣя.

Вигодо́увати—выкармливать, вырращивать.

Ви́гукнути—выкрикнуть.

Ви́дъ—лице; образъ.

Ви́зволитись—высвободиться.

Ви́кохати—воспитать, вырастить.

Вимага́ти—домогаться.

Ви́мовити — вымолвить, проговорить; произнести; укорить; выговорить (при условіяхъ).

Ви́нний—виновный, должникъ.

Вина́ляти—стрѣлять; выжигать.

Ви́ряжати—проводать, отправлять, снаряжать.

Ви́слебизувати — высказать, высказать.

Ви́співати—пропѣть (отчетливо).

Витришкова́тий—пучеглазый.

Ви́шукувати—изыскивать; отыскивать, находить.

Ви́щити, а́ти — визжать.

Ви́мага́тись — отговариваться.

Ви́да — извѣщеніе, увѣдомленіе.

Ви́драдісно — отрадно.

Ви́конниця — ставня.

Ви́но — приданое.

Ви́ри по́няти — повѣрить.

Ви́рши ви́ршувати — слагать стихи.

Ви́тати — приглашать; привѣтствовать.

(Ви́чи) очи, у ви́чи — глаза, въ глаза.

Ви́щувати — предвѣщать.

Вквіча́тись — убрать голову пвѣтами.

Вклепа́тись—наладить на одно, броситься на что-нибудь.

Вкли́кати — позвать.

Вку́пи — вмѣстѣ.

Вла́сне — точно, именно, будто.

Власка́витись — умиловиться.

Вми́чати — замѣчать.

Вмовля́ти — уговаривать.

Вору́хну́тись — шевельнуться.

Впи́нь — удержи, утомонь.

Впи́няти — удерживать, останавливать.

Впно (опечатка) вм. вапно́, ва́нна—известь.

(Вподо́ба) До вподо́би — по душѣ.

Вподо́бати — полюбить.

Ви́орати — покончить.

Впридо́бити — снабдить, устроить.

Вродли́вий — красивый.

Вспи́ляти — спать, досыпать.

Вте́кти — уйти.

Вто́ма — усталость, истома.

Втруча́ти — вмѣшиваться.

Вхі́дчини, вхо́дини — обычай угощенія, связанный съ новосельемъ и освященіемъ хаты.

Вхі́тний — желающий, охотникъ.

Вхо́пити — схватить.

Вхо́питись — ухватиться.

Вчи́нокъ — дѣло, поступокъ.

Вчу́ти — дослышать.

Въ-оста́нне — въ послѣдній разъ.

Габа́—парча.

Гада́ти — думать, раздумывать, замышлять.

Гадю́ка-чка — змѣя, змѣйка.

(Га́йця)—га́ятись—мѣшкать.

Гай—роша.

Гайдама́ка — самозванный козакъ, бунтовщикъ; разбойникъ.

Га́нити—порицать, порочить.

Ганчі́рка — тряпка.

Ганьба́—безчестіе.

Гара́здъ — крѣпко, совсѣмъ, хорошо, какъ слѣдуетъ.

Гарбу́зъ—тыква.

Га́рно—хорошо, красиво.

Ге́ть!—прочь.

Ги́нути—погибать.

Ги́лля́стий—вѣвистый.

Глѣ́чки—кувшинъ.

Гни́тити—гнести.

Годи́нка—часочекъ; хорошая погода.

Го́дити—угождать.

Го́ді!—полно! довольно!

Го́дно—достойно; слѣдуетъ.

Го́лосно—громко.

Го́минъ—говоръ, шумъ.

Го́нчарь, а́—горшечникъ.

Го́рище—чердакъ.

Госпо́да—домъ, дворъ.

Госпо́дарство—хозяйство.

(Гос́тина) у-гос́типу—въ гости.

Горо́бець—воробей.

Горо́бина—рыбина; грабина.

Гра́йворонь, гайворонь—грачъ.

Гра́къ—грачъ.

Гри́мнути—вскрикнуть на кого, забранить.

Гро́мада — общество; мірекая сходка.

Гро́мадський—общественный, мірской.

Гру́бка—печка.

Гру́кнути, грі́кнути — стукнуть, хлопнуть (дверьми), загремѣть.

Груко́тня—стукъ.

Гукáти—громко звать, восклицать.

Гукъ—звукъ густой, сильный.

Гуркі́, гуро́къ, угіро́къ—огурцы, огурецъ.

Густі́—гудѣть.

Гущо́вина, гу́щия — глущь (лѣсная).

Гучли́вий—гудящій, жужжащій.

Да́лебі́, да́либі́—ей-Богу.

Даний—заговорное (волшебн.) питье.

Даре́мно—напрасно.

Дарма́!—ничего!

Да́рмо, да́рма—напрасно, даромъ.

Дба́ти—заботиться, приобрѣтать.

Дви́жити—двигаться, дрожать, рѣять.

Де́—гдѣ.

Деренча́ть—дребезжать.

Десь—гдѣ-то, впрямую.

Дзві́нь—колоколь.

Дзві́нкій—звонкій.

Дзві́нний—громкій, какъ колоколь.

Дзвона́ми см. Дзві́нь

Диві́тись—смотреть.

Диво́вати—дивиться.

Дити́на—дитя, ребенокъ

Дівча́, дівча́та—дѣвушка, дѣвцы.

Дівчи́на—дѣвушка.

Дідуга́нь—глубокой старикъ.

Дідько́—чортъ.

Ді́сне—именно, настоящимъ образомъ, въ-точности.

Доба́чати—увидѣть, досмотрѣться.

Добри́ти—одобрять, хвалить,

Добро́дій—господинъ, сударь; благодѣтель.

Добро́мъ—совершенно.

Дові́датись—узнать, развѣдать.

Дові́ку—до смерти, навѣкъ.

Дово́дити—доказывать, выставлять, убеждать.

Догáна—опороченіе, обида.

Догля́дь—надсмотръ, попеченіе.

Догоди́ти—угодить.

Докúни—въ одно мѣсто, вмѣстѣ.

Долі́вка—поль (земляной), доль.

Долі́гати—доимать, беспокоить, тяготѣть.

Доло́ня—ладонь.

Домови́на—гробъ.

Допрі́къ—упрекъ, укоръ.

Дорі́кати—упрекать, укорять.

Дорожне́та—дороговизна.

До-сподо́би—по вкусу, по праву, по сердцу.

Доступи́ти—получить; подойти; достигнуть.

Доторкнúтись—дотронуться.

Дочувáти—слышать; ошущать (запахъ).

Дра́гли́ти—дрожать, нависнуть (отучахъ).

Дрі́бненько—мелко; часто, скоро (уменьшит.).

Дроби́на—домашняя птица.

Друкováти—печатать (типограф.).

Дукáчь—металлическое украшеніе, привѣщенное къ монисту, чаще всего золотая монета, съ изображеніемъ Божьей Матери.

Дури́ти—обманывать.

Дури́й—глупый, дуракъ; сумасшедшій.

Ду́рно—напрасно, незаслуженно, безъ-основанія.

Едва́бъ—шелковая матерія.

Единáчка—единственная дочь.

Жа́ба—лягушка.

Жа́дати—сильно желать, жаждать.

Жа́лка—желаніе, жажда.

Жа́дний—никакой.

Жа́доба—желаніе, жажда.

Жа́лощи́—сѣтованіе; собо́лѣзнованіе.

Жа́лувати—жалѣть; ласкать.

Жа́ль—горестъ, сожалѣніе, сокрушеніе.

Жа́ри́на—раскаленный уголёкъ.

Жа́ртъ—шутка.

Жа́хине, вжаха́ння—ужасъ, тревога.

Жахи́тись—ахнуть, ужаснуться.

Жа́вий—оживленный, живой, молодцоватый.

Жда́нки—ожиданія.

(Жене́)гнати́—гнать; бѣжать сильно.

Живо́сіло́мъ—насилъно.

Жити́й—ржаной.

Жме́ня—горсть.

Жови́ръ—солдатъ (польскій).

Жо́дний—ни одинъ, никакой.

Жонкі́—женщины; жены.

Жоре́нь—жерновъ.

Жупа́нь—кафтанъ особаго покроя.

Жу́рба—тоска, горева́не.

Жури́ти—печалить.

Жу́рливо—тоскливо, печально, задумчиво.

За́бавка—забава, игра; игрушка.

Забажáти—пожелать сильно.

Забари́ти—задержать, замѣдлить.

Забити́—убить; ушибить.

Забороня́ти—запрещать.

Завважа́ти—замѣчать.

Завво́лити—захотѣть, изъявить желаніе.

Завернúтись—воротиться.

Завесті́сь—начать ссору, заспорить.

Завідати—навѣстить.
 Завістѣти—извѣстить, объявить.
 Завітати—навѣдаться; пригласить.
 Завсѣди }
 Завсѣди } всегда.
 Загадѣтись—задуматься.
 Загинути—погибнуть.
 Загомоніти—заговорить.
 Загорода—скотный дворъ.
 Загостювати—загоститься.
 Загубити—потерять.
 Загуртѣти—вмѣстѣ, вообще.
 Задлятись—замедлить, промѣшкати.
 Заживати—употреблять.
 Зажурити—опечалить.
 Заздалегідь—задолго, заблаговременно, напередъ, прежде времени, съдалека.
 Зазнатись—познакомиться, спознатись.
 Займати—трогать, задѣвать.
 Заказати—запретить.
 Закаблуки—подборы каблуки.
 Заквілити—заголосить.
 Закохатись—влюбиться, пристраститься.
 Закрапити—заканать.
 Залѣтчикъ—сватающійся, искатель.
 Залицятись—ухаживать, волочиться.
 Залишити—оставить безъ вниманія, кинуть, забыть.
 Заміняти—промѣнять.
 Заміти — лишиться чувствъ.
 Замѣжний — богатый, зажиточный.
 Замутитця — изволноваться.
 Запедбати — пренебречь, забыть, запустить.
 Запеджати — заболѣть, занемочь.
 Запенадати — хворать.
 Запехати — пренебречь, запустить.
 Запалити — зажечь.
 Запеклий — закоренѣлый, закосилый.
 Запитати — спросить.
 Заплющити — зажмурить (глаза).
 Запобігти — въ пору спохватиться, предупредить.
 Запоминати — (Клим.) забыть.
 Запрядати — пріежей зарабатывать хлѣбъ.
 Запсувати — испортить.
 Заразъ — тотчасъ.
 Зарані — съ позаранку, съ ранняго утра.
 Зарватись — броситься необдуманно.
 Заручена — обрученная.
 Заручини — обрученіе.
 Засмѣлений — загорѣлый, обожженный.

Засоромитись — застыдиться, погуниться.
 Застувати—заслоняя свѣтъ собой, (застить).
 Засягти — достигъ, захватить.
 Затого — скоро уже.
 Затруситись — задрожать.
 Затула—защита, убѣжище.
 Заченити — зацѣпить, завязать, задѣть.
 Зачинитись — затвориться.
 Зачипати — затрогивать.
 Західъ — сборы, приготовленія.
 Заховати — спрятать.
 Заувірінкати — зачирикать.
 Збавляти—лишать, уменьшать; губить.
 Збагнути—уразумѣть, понять.
 Збачити — извинить.
 Збитий — избитый.
 Збіжжа, збѣже — движимое имущество: верховой хлѣбъ, домашняя рухлядь и др.
 Збіліти — поблѣднѣть.
 Зборонати — мѣшать, препятствовать.
 Збути,сь — лишиться, потерять.
 Зважитись — отважиться, рѣшиться.
 Звертати — поворачивать; сворачивать.
 Звестись — подняться, встать (съ мѣста).
 Звѣкнути — привыкнуть.
 Звичайенько (уменьш.) — прилично, мило.
 Звітки — откуда.
 Звѣлитись—захогѣть, согласиться.
 Згядувати — вспоминать.
 (Згѣрний) Незгѣрний — неспособный.
 Згланутись — умилившись.
 Згордувати — пренебречь.
 Згорнути — сложить, прижать.
 Згукнути — вскрикнуть, воскликнуть.
 Здивоватись — изумиться, удивиться.
 (Здійметця) здіійнятись, знятись — подняться, взлетѣть.
 (Здолавъ) здолати, здолати—быть въ состояніи, въ силахъ, мочь.
 Здоровий — большущій; здоровый.
 Здорово — крѣпко, много; здорово.
 Землянинъ — постоянный житель въ сельскомъ обществѣ.
 Зирнути—зиркнути — взглянуть.
 Зіліна — былинка.
 Зілля — растенія.

Зірка—звѣзда (на небѣ).
 Зітхну́ти — вздохнуть.
 Злиши́его — слишкомъ.
 Зло́дій — воръ.
 Зау́щити—соскоблить, счистить.
 Змага́тись — спорить, мѣяться, не смачивать.
 Змалюва́ти — нарисовать красками.
 Змарні́ти — переѣзжиться къ худшему (о наружности), исхудать.
 Зміркува́тись — столкаться.
 Знатни́ця — знахарка.
 Знева́га — неуваженіе, униженіе.
 Зневажа́ти — унижать, лишать уваженія.
 Знепа́цька—внезапно, нечаянно.
 Зозу́ля, зузу́ля — кукушка.
 Зо́рі — звѣзды (небесныя).
 Зострі́ти — встрѣтить.
 Зотріва́ти—обождать, повременить.
 Зра́дити — замѣнить.
 Зраді́ти — обрадоваться.
 Зробі́ти — сдѣлать.
 Зру́шити — тронуть, взволновать.
 Зупиня́тись — останавливаться.
 Зуспі́ти — встрѣтить, завидѣть.
 Зьбо́ку — со стороны, съискоса.
 Зь-го́ри — сверху, поверхъ.
 Зьора́ти — вснахать.

Изнóвъ — снова.

И́нколи — ипогда.
 (Иймѣ́тця), и́ятись—браться, итти.
 (Иймі́ся) и́ятись — стремиться, желать, браться.

Имові́рний — довѣрчивый; достойный вѣры.

Ка́дужь — нечистая сила.
 Катъ—палачъ, мучитель.
 Кайда́ни—кандалы; цѣпи.
 Каче́ня—утѣнокъ.
 Кваті́рочка—форточка въ окнѣ.
 Ква́нитись—лѣститься, завлекать-ся, бросаться на что.
 Квілі́ти—стонать, жаловаться, голо-сить; писатьъ.
 Кво́лій—слабѣе.
 Кий—палка.
 Кі́льки—сколько, нѣсколько.
 Кіспі́ки—узелки ленточки, въ нѣ-которыхъ мѣстахъ шерстяныя и даже шурочки, по большей части красныя—вылетаютъ дѣвушкамъ въ косы.
 Клúна — рига.
 Ковáлокъ—кусочекъ.
 Ковáль—кузнецъ.
 Кожу́шанка—крытый женскій ту-лупчикъ.
 Ко́итись—совершаться (о дурномъ).
 Коли—когда; если.

Ко́лі-бъ—если-бъ, когда-бы.
 Ко́лишній—бывшій нѣкогда.
 Колоті́ти—мутить.
 Ко́минъ—труба.
 Коміре́ць—воротничекъ.
 Ко́нання—издыханіе.
 Ко́нче — необходимо, непременно; окончательно.

Копа́—30 копѣекъ асс.; въ исчисленіи другихъ предметовъ—60.

Копі́ця—копна.
 Корѣ́ць—ковшъ.
 Корі́сть—польза, выгода, приобрѣ-теніе.

Кормі́га—лрмо, иго.
 Коротѣ́сенка — коротенькая; низкаго роста (о женѣ.).

Корі́тись—покоряться.
 Корті́ти—манить; корті́ть—под-мываетъ (безлично).

Коря́къ—ковшъ.
 Кості́рь—токарь.
 Кошлáтій — косматый, всклоко-ченный, расстрѣпанный.

Кошть—иждивеніе; издержки; сто-имость.

Кощáвий—костлявый.
 Краве́ць—портной.
 Кра́лечка, кра́ля—королева; крас-ная дѣвица.

Кра́марка — куличиха, торгующая краснымъ товаромъ.

Кра́плистий—съ крапинками, пест-рый; крупный и рѣдкій (о дождѣ).

Кра́яти—рѣзать.
 Кра́ще—лучше.

Крейдя́ний—мѣловой.
 Креме́зний—кряпкій, неуступчивый.
 Крив́да—неправда.

Крини́ця—колодезь безъ сруба.
 Крини́човина—водный ключъ.

Крѣ́ти—сохранять, прятать.
 Крѣ́тись—скрывать, скрываться.
 Кро́къ—шагъ.

Кругло́вѣдий—круглолицый.
 Ку́льба́ка—сѣдло.

Ку́па—бугоръ, куча.
 Кúр'ява—дорожная пыль.

Куто́къ—уголь.
 Кушати (Клим. и на Подоліи)—про-бовать.

Кушні́рь—скорнякъ, мѣховщикъ.
 Кшталтъ—видъ, образъ, способъ; изображеніе, украшеніе.

Ла́годити—чинить, починать.
 Ла́годитись — собираться (въ до-рогу).

Ладі́вни́ця—патронташъ.
 Ладóмъ—порядкомъ, какъ слѣдуетъ.

Ладва́ти—прилаживать, изготовлять.

Лады—порядокъ, образъ, способъ, ладъ, согласіе.

Ланъ—большая нива.

Ласо—лакомо; ласощі—лакомства.

Левада—земля около усадьбы, окопанная рвомъ, въ родѣ конопляника.

Лѣдві—едва.

Лѣжень—лежебокъ, лѣга.

Леліти (о водѣ)—литься, течь тихо и блестя, переливаться.

Лемішъ — плужникъ, рѣзакъ въ плугѣ.

Лѣстний—лѣстивый.

Лѣхъ—погребъ.

Либонъ — пожалуй, никакъ, чего-добраго, по-видимому.

Листъ—письмо.

Лихій—плохой; злой.

Лишити—оставить.

Ліхтаръ—подсвѣчникъ; ліхтарня — фонарь.

Лічба—счесть.

Лічозіръ—звѣздохеть.

Локшина, локша—лапша.

Лощіти—блестѣть, лосниться.

Лука—поѣмный лугъ.

Луснути—треснуть; скоропостижно умереть.

Лучатись—случаться.

Любівий—любимый.

Люблений—любимый.

Лягати—ложиться.

Лякати—пугать.

Мабіть, мабуть—видно, вѣроятно, можетъ-быть, должно быть.

Майданъ—площадь; мѣсто съ особенно-устроенною печью для добыванія смолы, селитры и пр.

Мана—призракъ, обольщеніе, обманъ.

Манѣтця—тянеть.

Мановѣць—путь безъ дороги, куда глаза глядятъ.

Манутись—хотѣть.

Мара—привидѣніе, страшилище.

Маючи звичай—соблюдая приличіе.

Мерѣжаний—вышитый ажурно, расписанный въ кѣтки.

Мѣрлий—помершій.

Метѣликъ—мотылекъ.

Меткій—живой, подвижной, ловкій.

Метчій—скорѣй.

Міркнуть—ворконуть, болтнуть себѣ подъ нозь, сказать невнятно.

Мисливець—гордецъ; охотникъ.

Мисливий—самоувѣренный, высоко-мѣрный; выдумщикъ, затѣйникъ.

Миттю—вдругъ, скоро.

Мізерний—жалкій.

Міркувати—судить, обсуждать, разчитывать, разсуждать.

Місто—городъ.

Місто—словно, точно.

Місто-бъ—будто-бы.

Місце—мѣсто.

Міцпёнько—крѣпконько.

Міцний—крѣпкій, сильный.

Мова—рѣчь, языкъ.

Мовлявъ, мовляла—молъ, сказывалъ, сказывала.

Мовъ—точно, будто.

Могіла—курганъ.

Молода—невѣста.

Молоді—женихъ и невѣста вмѣстѣ, или супруги во время свадьбы.

Мордовати—мучить.

Моторний—ловкій, видный, обходительный.

Мрѣкати—мурлыкать.

Мудро—замысловато.

Музика—музикантъ.

Муровати—строить каменное зданіе.

Мурій—пестро-сѣрый, переливчатый.

Наближуватись — приближаться, подходить.

Наввишки (нарѣчіе)—высокою.

Навистъ—(Клим.) навѣтъ; клевета.

Навідати—навѣстити.

Навісний—сумазбродный.

Навіть—даже.

Навкруги—вокругъ.

На-вперѣми—на встрѣчу, на-перерѣзъ.

На-вспражне, жки—серьёзно.

Нагадувати—напоминать; въ Западн. Украинѣ—также и припоминать.

Нагана—осужденіе, посрамленіе.

Нагло—выезапно.

Надворі—на чистомъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ.

Надійсь—чай, вѣроятно.

Надія—надежда.

Надто—слишкомъ; особенно.

Нажитъця, тись, — насладиться жизнью; долго прожить.

На-зауміру—черезъ мѣру, черезъ чуръ.

Наздогнати—догнать, настичь.

Назирати — ухаживать, присматривать.

Назирцемъ—въ паглядку.

Назімокъ—годовалый бычокъ.

Наймитъ—наймной работникъ.

Наклепъ—обвиненіе; клевета.

Налякати—напугаться.

Намалювати—нарисовать.

Наменути—намекнуть.

Наменути—стать говорить, открыть ротъ.

Намісто—монисто; ожерелье.

Напакува́ти—наложить, набить, навьючить.

Напе́вно—навѣрняка.

Напри́кладъ (Клим.)—напримѣръ.

Напу́тить—наставить.

Нареко́ваний, назва́ний,—нарече-
ный.

Наси́тъ—насыщеніе, удовлетвореніе.

Наси́ння—сѣмьчки, сѣмена.

Насу́нути—надвинуть.

На́товпъ—патискъ.

Натра́вка—полка въ ружьѣ.

На-уми́ръ—до смерти, въ конецъ,
крайне.

Наха́ба—напастъ.

На-чеку́—на сторожѣ.

На́че—будто.

На-шви́дку—на-скоро.

Небѣ́жчикъ—покойникъ.

Небора́къ—бѣдняга.

Негаву́чий—неустанный, неугол-
ный.

Нега́дки—нипочемъ, безразлично,
равнодушно.

Нега́йно—немедленно.

Нега́рно—пезадно.

Него́да—непогода.

Него́дний—недостойный.

Недба́лий—беззаботный, нестара-
ельный, равнодушный.

Недба́ло—пѣхоты.

Недѣ́льный—воскресный.

Недо́ридь—неурожай.

Недѹ́гивати—хворать.

Недѹ́жий—больной.

Незвѣ́чайный—невѣжливый, непри-
гойный.

Нездви́женный—непоколебимый.

Незѹ́жати—быть больнымъ.

Незна́рошне—пѣхота, непарочно.

Нема́ } нѣтъ.

Нена́че—какъ будто, точно вотъ.

Необор́ный—неодолимый.

Неодмо́вный—неотказывающійся,
неотговаривающійся.

Ненапо́лоханий—пезапуганный.

Непѣ́вный—сомнительный, опасный.

Непѣ́збико—твердо, неизбежно.

Непомѣ́лешный—безошибочный.

Непоро́ки—дурные слухи о комъ.

Непу́тѣйский—неосновательный, без-
утный.

Непу́хомо, непору́хомо—непо-
ижно.

Неси́тельство (Клим.)—ненасытность.

Неска́жй—точно, будто-бы.

Неспо́діваний—неожиданный.

Нестáтки—недостатокъ, бѣдность.

Неха́й—пусть.

Неха́й-но—пусть-ка.

Нечутно́—неслышно.

Нипа́че—см. Непаче.

Нѣшкомъ—потихоньку, тайно.

Нѣби

Нѣби-то } будто бы.

Нѣ въ-свѣті—никогда.

Нѣжъ—нежели.

Нѣколи—некогда.

Нѣко́ли—никогда.

Нѣкѣ́мний—ничтожный.

Нѣйково—целовко, неприятно.

Нудѣ́тись—скучать, мучиться.

Обвѣ́ситись—повѣситься.

Обѹ́ривати—обманывать.

Обѣ́йма—объятія.

Обѣ́ручки—въ оханку, съ силой.

Обѣ́тница—обѣщаніе.

Обѣ́щанка—обѣщаніе, обѣтъ.

Обѣ́щати—обѣщать.

Облѣ́чче—лицо, образъ.

Обмѣ́рива́тись—осмотрѣться, раз-
судить.

Обопѣ́льно—взаимно.

Образѣ́тись—обидѣться, разсер-
дѣться.

Обсвѣ́дитись—ознакомиться, ос-
воиться.

Обсѣ́паться (слѣзами)—облѣтись;
осыпаться.

Обудѣ́тись—проснуться.

Обхо́пѣти—обхватить.

Огря́дний—полный, объемистый.

Одвѣ́дати—посѣтить.

Оджа́лувати—пожертвовать.

Оджа́рѹ́ватись—отшучиваться.

Одѣ́брати—получить.

Одка́зати—отвѣчать.

Одка́зъ—отвѣтъ.

Одка́ли,—съ какихъ поръ.

Одма́гáтись—отговариваться.

Одмѣ́нитись—перемѣниться; одмѣ-
нило—перемѣнилось; одмѣ́нити—пе-
ремѣнить.

Одмо́вити—отвѣчать, отказать.

Одра́зу—сразу.

Одру́житись—вступить въ супру-
жество.

О́дсторонъ—въ сторонѣ, къ сто-
ронкѣ.

Одти́пати—отсѣкать.

Одѹ́жати—выздоровѣть.

Одя́гну́тись—одѣться.

Одя́гнѣй—разряженный, разодѣтый.

Оди́урáтись—отрѣчься.

Оди́ука́ти—найти.

Ози́рну́тись—оглянуться.

Окса́мѣтъ—барха́тъ.

Олі́йникъ—производитель постнаго
масла.

Ома́на—обольщеніе, обманъ.

Опалъ — запальчивость.
 Опівдня — въ полдень.
 Опізнитись — опоздать.
 Опоживляти — придавать новыя силы, оживлять.
 Опілистий — поляный, широкий.
 Опоряджати — устроивать.
 Освіта — просвѣщеніе.
 Остіти — наскучать, опостылѣть.
 Ось — воть.
 Отгожати — отлучаться.
 Оттѣй — вонъ тамъ.
 Очерѣтъ — тростникъ, камышъ.
 Очіпокъ — головной женскій уборъ въ родъ шаночки, войничка.
 Очутитись — очнуться.
 (Очү) очи, въ очү — глаза, въ глазахъ (двойственное число).
 Ошуканецъ — обманщикъ.
 Ошукатись (Клим.) — обмануться; быть обманутымъ.

Палити — жечь, стрелять.
 Палкій — пылкій, вспыльчивый.
 Палаубастий візъ — крытый возъ.
 Панна — барышня.
 Навіматка — мать (почтительно), го-сножа; попадья.
 Напірня — писчебумажная фабрика.
 Паробокъ — парень.
 Пасіка — пчельникъ.
 Патириця — монашескій посохъ.
 Пахоші — благоуханіе, аромать.
 Паша — пастышце; подножный и зимній кормъ скота.
 Паший — зерновой хлѣбъ; въ Западной Украинѣ, также и хлѣбъ, стоящій на поляхъ.
 Певень — надѣжень, увѣренъ.
 Певно — вѣрно, навѣрно.
 Некѣльний — адскій.
 Нѣкло — адъ.
 Нѣрво — прежде.
 Перегледжувати — переглядывать, осматривать.
 Перегѣдомъ — спустя нѣсколько времени.
 Перейматись — доставать, нехватать, прерываться.
 Переймомъ — съ перерывами.
 Переказати — передать на словахъ.
 Перелічити — сосчитать, исчислить.
 Перелякатись — испугаться, перепугаться.
 Перемагати — осиливать, превозмогать.
 Перескокомъ — скачками, перебѣгалъ отъ одного предмета къ другому.

Перетривати — переести, вынести, вытерпѣть.
 Перехопити — прервать, перебить рѣчь, подхватить.
 Перечүти — прослышать, заслышать.
 Пѣрше — прежде.
 Пикатій — широколицый, толсто-рожий.
 Пилипъ — Филиппъ.
 Нильно — пристально.
 Питання — вопросъ.
 Питима — родимая, кормилица.
 Пиха — гордость, чванство.
 Підвестись — встать, привстать, приподняться.
 Підпалъ — затапливаніе, поджогъ.
 Підданка — крѣпостная крестьянка.
 Піддашце — крыша надъ крыльцомъ.
 Підживитись — подкрѣпить силы.
 Пійма — весенній разливъ рѣкъ.
 Піклуватий — заботливый, печетливый.
 Пісьменний — грамотный.
 Пісьмѣ — грамота, грамотность, писаніе.
 Пісьмѣ-святѣ — священное писаніе.
 Плѣхта — женскій нарядъ, шерстяной, пестрый, кафтчатый, соответствующій юбкѣ.
 Плохий — смиренный.
 По (дівчѣтъ) — за (дѣвушками).
 Побачити — увидѣть.
 Побідашъ (Клим.) — бѣдовикъ, бѣд-някъ.
 Побідений — горемычный.
 Побиванне — забота, печаль.
 Поблагати — попросить, умолять (со-вершен. видъ).
 Побожно — благочестиво.
 Побратись — вступить въ супруж-ество; отправиться въ путь, въ опредѣ-ленное мѣсто.
 Побужати — будить.
 Повага — вѣсъ, уваженіе.
 Поважний — почтенный; важный.
 Повернутись — воротиться.
 Повиновачений — обвиненный.
 Повинно — должно.
 Повідати (Клим.) — сказывать.
 Повікъ — навѣкъ.
 Повістка — повѣсть, рассказъ.
 Повітъ — уездъ.
 Повкупі — совмѣстно, кучею.
 Поводитись — вести себя, держаться.
 Погадати — подумать, позаботиться.
 Поганський (Клим.) — языческий; инферный.
 Поганъ — мерзость, дрянь.

Поглузовати — посмѣяться, поглумиться; издѣваться. (соверш. видъ).
Погодитись — согласиться, условиться, сойтись.
Погоржати (Клим.) — пренебрегать.
Погубити — растерять.
Подивовати — подивиться.
Подивити — удивиться (неодобрительно).
Подія — поступокъ; продѣлка; порча (о колд.).
Подоба, подобний — красота, красивый; хорошій.
Подобно (Клим.) — кажется; какъ-видно.
Подяка — благодарность.
Подякувати — поблагодарить.
Пожалатись — пожелаться.
Пожалкувати — пожалѣть кого; пожаловаться на кого.
Пожартувати — пошутить.
Пожитѣний (Клим.) — выгодный.
Пожитокъ — польза.
По-завтрѣму — послѣ-завтра, на третій день.
Позавчора — третьяго-дня.
Позачинювати — позатворять.
Позгладувати — припомнить (о мн.).
Позирати — посматривать.
Позичити — занять, одолжиться.
Покартати — побранить.
Покласти — положить; рѣшить.
Покохати — полюбить.
Покращати — похорошѣть.
Покуса — искушеніе.
Покута — знітїи; поканіе.
Покѣтне вікно — окно близъ образнаго угла.
Пологодити — подчинить; исправить.
Полїця, — напѣлокъ, принадлежность пуга; полка въ хатѣ.
Пологи — низменные стѣнные мѣста.
Полохатись — пугаться, полошиться.
Полумисокъ — неглубокая миска; блюдо.
Поміркувати — поразсудить, похлопотать.
Помірно — умѣренно.
Помовкнути — умолкнуть (о многихъ).
Помоститись — постлаться.
Помста (Кл.) — мщеніе.
Поневірятись — нести на себѣ всеобщее презрѣніе.
Піночі — въ потьмахъ, безъ свѣта.
Попурій — угрюмый, мрачный.
Поняти — взять.
Попереду — впереди, напередъ, сперва.
Попилинувати — постоять за что, поберечь что хорошенько.

Попитати — спросить.
Попіклуватись — похлопотать, поболѣть.
Попігъ — пепелъ.
Попіличъ — рядомъ, плечо съ плечомъ.
Пополошитись — струхнуть, растеряться.
Поражати (Клим.) — совѣтовать.
Порѣда — совѣтъ, утѣшеніе.
Порѣдниця — совѣтчица.
Порѣза — рана.
Поратись — убирать, готовить, стряпать.
Порікувати — роптать.
Порохъ — пыль.
Порошинка — пылинка.
Посваритись — поссориться; погрозыть.
Поси́ти — уснуть (о многихъ).
Поспитати — спросить.
Поспѣльство (Клим.) — простой народъ.
Постать — видъ, фигура.
Постерегаться (Клим.) — беречься, думать о будущемъ.
Постерегти — запримѣтить, во-время догадаться.
Постолі — кожаные лапти.
Посторонь — поодаль.
Посумовати — потосковать.
Потайно — тайно.
На-поталу (потала) — добыча, истребленіе.
Потамъ, — (опечатка) тамъ.
Потанути — растаять.
Потилиця — затылокъ.
Потичка (Кл.) — стычка, сраженіе.
Поторѣча — разбитная; встрѣпанная.
Потрава — кушанье.
Потрѣвка — соусъ.
Потривати — погодить, повременить.
Потроху — понемногу.
Потурати — поблажать, мирволить; спускать кому.
По части — отчасти.
Почути — услышать.
Похіпливий — прыткій; охочій.
Похитати — покачать.
Поховати — похоронить; припрятать.
Походити — имѣть сходство; происходить.
Пошивки — наволочки.
Пошканди́бать — поковылять, за-костылять (о старческой походкѣ).
Пошастило — несчастливосѣ.
Правити — требовать; отправлять (богослуженіе); толковать свое.
Правдити — оправдываться, сбываться.

Пра́жний—напрасный, пустой.
 Приго́да—несчастье; печальное со-
 бы́тие.
 Прига́дати—припомнить.
 Приго́рну́тись—приласкаться, при-
 жаться, прильнуть.
 Приди́влѣтись—присматриваться.
 Придо́ба—удобство.
 При́зба, при́сьпа—зава́линка.
 Прила́дний—подлипало.
 При́мхати—прихотничать.
 Припа́дать—приходиться (къ чему).
 Припи́йтись—пріостановиться.
 Припи́ющовати очи — жмурить
 глаза.
 Приру́чити—поручить.
 Присе́рбитись—поддѣлаться, под-
 лизаться.
 Присилува́ти—принудить.
 Присі́каться — привязаться, лѣзть
 кому въ глаза.
 Прити́чица—препятствіе, задержка.
 Приту́лѣтись—приклониться, при-
 ласкаться, прижаться.
 Прихилѣ́нный—преданный.
 При́зра—подозрѣніе.
 Пробо́у! — междометіе, выражающее
 опасность, неудержимость и т. п.
 Прова́дити—вести.
 Прозо́рий—прозрачный.
 Прокі́нутись—пробудиться.
 Проманѣ́титись—промотаться.
 Проме́нѣстий—лучезарный.
 Промі́нь—лучъ.
 Промо́вити—сказать, заговорить.
 Просві́тчастий—прозрачный.
 Просто́—прямо.
 Проха́ти—просить.
 Проча́не—богомольцы; путешествен-
 ники.
 Прощи́дрити — промотать, спус-
 тить.
 Прочу́ти—провѣдать, прослышать.
 Прудкі́й—быстрый, прыткій.
 Псува́ти—портить.
 Пта́хъ—большая птица.
 Пта́ство—птицы.
 Пу́ща—лѣсная чаща.
 Ра́да—совѣтъ; вѣще; помощь.
 Ра́дити—совѣтовать.
 Ради́ти—радоваться.
 Разо́къ—борозда; слѣдъ, черта.
 Разъ-у-разъ, разъ по́разъ—без-
 престанно, то и дѣло.
 Ра́но—рано; утро.
 Ра́нокъ—утро.
 Ра́та (Кл.)—рента.
 Ра́яти—совѣтовать.
 Репетова́ти—кричать.
 Рече́нец (Клм.)—срокъ.

Робачо́къ—червячокъ
 Розва́жити—развлечь, развеселить,
 утѣ́шить.
 Розмо́ва—бесѣда, разговоръ.
 Рибалка—рыбакъ.
 Рѣма́ръ, лимарѣ́—шорникъ.
 Рѣ́чи, рѣ́чи—рѣчи; веши; дѣла.
 Розмо́витись—разговориться.
 Розсла́вити—разнести, рассказать.
 Розсте́лений—разосланный.
 Ро́ки, рікъ—годы, годъ.
 Роспоро́шити — раструсить; распу-
 стить.
 Роспи́увати—распрашивать.
 Руба́ти—рубить, сѣчь, колотъ.
 Ру́йнова́ти—разрушать.
 Ру́їни—развалины.
 Рундо́чокъ—крылечко со ступень-
 ками.
 Ру́та—растение (ruta graveolens).
 Ручи́ця, шни́ця—ружье.
 Ряси́й—густой, обильный плодами
 (о деревь), сильный.
 Рята́ватись—спасаться.
 Сае́тъ—атласъ.
 Само́та—удиненіе.
 Само́тий—одинокій.
 Самісі́нький—самый (превосходная
 степень при уменьшительной формѣ).
 Сварка—ссора.
 Сви́та—мужская и женская одежда,
 родъ полуката́ня.
 Сви́докъ—свидѣтель.
 Сви́танне—разсвѣтъ.
 Сви́тлиця—свѣтѣлка, комната безъ
 кухонной печи.
 Сви́тло—свѣтъ въ избѣ, освѣщеніе.
 Своєу́мка—самодурка.
 Свя́то—праздникъ.
 Се—это; теперь, вотъ.
 Селя́дба—усадьба.
 Си́вий—сѣдой; сиве́нькій—сѣдѣ-
 ный.
 Сити́ти медъ—варить медъ.
 Си́ножа́ть—сѣнокосъ.
 Скара́ти—наказывать; казнить.
 Ски́ба—ломоть.
 Ски́нути (очима)—обозрѣть.
 Скипа́тись—векипать (гнѣвомъ).
 Скля́—стекло.
 Скоштува́ти — попробовать, отве-
 дать.
 Скре́сти — треснуть (о весеннемъ
 льдѣ), тронуться.
 Скри́ня—сундукъ.
 Скри́зь—вездѣ, повсюду.
 Слабша́ти—ослабѣвать.
 Сла́вити—толковать, рассказывать.
 Сливе́—почти.

Слухняно—послушно.
 Слушний—надлежащий, полный.
 Служно (Клим.) — прилично, слѣ-
 дуешь.
 Смѣльливый—смѣлый.
 Сміття—сорь.
 Смутный—грустный, печальный.
 Смѹтокъ—грусть, печаль, горе.
 Смѹтовати } грустить, горевать.
 Смѹтковати }
 Сніданія—завтракъ.
 Сніцарь—колесникъ, каретникъ.
 Сотниківна—дочь сотника.
 Сѹяшний—солнечный.
 Спадокъ—наслѣдство.
 Спахнѹти—вспыхнуть.
 Списати—срисовать.
 Списъ—копье.
 Спитати—спросить.
 Спільность—общение.
 Сповиточокъ—пеленки.
 Сподівання—надежда, ожидание.
 Споживокъ—употребление (въ пи-
 цѹ).
 Спѹломъ—вмѣстѣ, съ-обща.
 Спочувати—заслышать (неоконч.
 нидь), раздѣлять сердцемъ, пережи-
 вать.
 Справдитись—исполниться.
 Справді — въ заправду, въ самомъ
 дѣлѣ.
 Справувати (Кл.) — дѣлать, испол-
 нять.
 Справжній—серьезный, нешуточный.
 Ставати—становиться, происходить,
 совершаться.
 Ставний—статный, стройный.
 Стáроста—свять.
 Стáтокъ (Клим.) — твердое положе-
 ніе въ свѣтѣ; скотъ (преимущественно
 лошади).
 Стѣжечка—тропинка.
 Стѣжка—застѣжка.
 Стерегтись—беречься, остерегать-
 ся.
 Стидкий — безстыжій, постыдный.
 Стáнний—путешественникъ, стран-
 никъ.
 Стáва — приготовленное, варенное
 и жаренное, кушанье.
 Стáхатись—путаться.
 Стáрибати—скакать, прыгать.
 (Стáри) Стáриути—встрѣтить.
 Стáриха — навѣсь соломенной крыши.
 Стáричка—лента, вшитая въ висю-
 чю косу и распущенная съ косы.
 Стáрумочокъ—струя, ручеекъ.
 Стáря—полоса.
 Суворá—торжественный тонъ, вну-
 шения, суровая рѣчь.
 Сукні—платье (женское).

Сѹмно—уныло; страшно.
 Сѹмовання—уныніе, тоска.
 Сѹмовати—тосковать, унывать.
 Сѹмъ—уныніе, тоска, страхъ.
 Суниці—земляника лѣсная,
 Суперѣчки—побранки, перебранки.
 Сѹржикъ — смѣшанный зерновой
 хлѣбъ, когда къ засѣву новаго хлѣба
 поднимется прошлогодній.
 Схаменѹтись—опамятоваться.
 Схилитись—наклониться.
 Схільчивий—сговорчивый.
 Схнѹти—сохнуть.
 Счервоніти—покраснѣть.
 Счинитись—произойти, сдѣлаться.
 Сѣти—сіять.

Та-ба — поди же! по увы!
 Такъ сáмо, такъ сáме—такъ точно.
 Тѣсля — плотникъ.
 (Тѣжня) Тѣждень — недѣля.
 Тинѣтця — случится (безлично).
 Тинъ — плетень, заборъ.
 Тинѣтись — слоняться.
 Тнѹти — рѣзать; пить; пѣть.
 Товаріство — товарищество, об-
 щество.
 Товáрь — скотъ; товаръ.
 Точитись — едва тянуться (о раз-
 говорѣ).
 Трѣба — нало.
 Тривáльний — прочный (Кл.).
 Тривати — ожидать, терпѣть.
 Тримати — держать.
 Трипотати — трепетать.
 Трохи — немного; трѹшки — не-
 множко.
 Трунокъ — питье, напитокъ.
 Турбовати — безкопѣть.
 Тутѣшний — здѣшний.
 Тхнѹти — дохнѹть.
 Тютюнь — табакъ (курительный).
 Тѣмити — разумѣть; помнить.

Убийникъ — убійца.
 Убрáние — платье.
 Убрáтись — одѣться.
 Углѣдити — увидѣть.
 У-гѹру — вверхъ.
 Удатний — способный, даровитый.
 У-двѣйзі, двѣйга — въ-двоемъ,
 двое.
 Уживати — имѣть въ употребленіи.
 Уідлиий—докучливый, неспосный,
 неотвязный, мучительный.
 Укривжати (Кл.) — обижать, обма-
 нывать.
 У-кѹпи — вмѣстѣ.
 Унятливый — внимательный.
 Упевняти — увѣрять.

Ура́зка — оскорбленіе.
 Ура́женный — разраженный.
 (Усі́ма) увесь, весь — весь; при
 полной формѣ, еще существующей у
 насъ: всей — весь. (Твор. множ. числа).
 Уста́ти — встать.
 Ути́шка — удовольствіе, увеселеніе;
 игрушка.
 Уто́ма — усталость, утомленіе.
 У-тро́ні — по слѣду, по слѣдамъ.
 У-три́конъ — тройкой.
 Учини́ти — сдѣлать; заквасить
 (тѣсто).
 Ущипли́вий — колкій.

Фи́ля — волна.

Хапа́ти — хватать, брать взятки.
 Хапкі́й — живой, быстрый; жал-
 ный, вороватый.
 Хапу́га — стяжатель, грабитель,
 взяточникъ.

Хвилёва́ти — бѣжать волнами,
 струиться.

Хви́лючка — минутка, мгновеніе.
 Хви́ля — волна; минута

Хиба́ — развѣ.

Хибкі́й — гибкій, тонкій хій.

Хилі́ти — клонить

Химёра — мечта; вздоръ.

Химёро — фантастически, странно;
 неосновательно.

Хистъ — способность, дарованіе,
 умѣнье, расторопность, находчивость.

Хита́ти — качать.

Хліборобъ — земледѣлецъ.

Хма́ра — гуча, облако.

Хмизъ — сухопородетой.

Хму́рий — сумрачный.

Хова́ти — прятать; хоронить.

Хо́да — походка; походъ.

Холодо́къ — тѣнь.

Хорба́къ (Клим.) — презрительный,
 худородный.

Хорі́ти — болѣть, быть больнымъ.

Хрущъ — жукъ (весенний, летающий
 преимущественно около деревьевъ).

Хті́ти (Клим. и въ Подольскомъ на-
 рѣчій) — хотѣть.

Худо́ба — имущество, добро; скоть.

Хурто́вица — вьюга.

Ху́сти — бѣльѣ.

Ху́стка — платокъ.

Ху́тко — скоро; хутёнько, хут-
 чій — скорѣй.

Цу́корь, су́куръ — сахаръ.

Цви́чений (Клим.) — воспитанный;
 проученный, битый (несчастный слѣдъ
 езуитскаго воспитанія).

Цвяхъ — гвоздь.

Цѣберъ — кадка.

Цегельникъ — кирпичникъ.

Ціка́вий — любопытный; слишкомъ
 быстрый, нескромный.

Цінува́ти — оцѣнивать.

Ціпо́къ — палка.

Ча́сомъ — иногда.

Частова́ти — угощать.

Ча́съ — время; часть.

Чванли́вий — самодовольный, чван-
 ный.

Че́лядь — сельская молодежь въ сход-
 кахъ для увеселеній; прислуга. Для от-
 личія, въ одной пѣснѣ челядь въ пер-
 вомъ значеніи названа білою.

(Ченці) черне́ць — монахъ, чернецъ.

Черне́цтво — монашество.

Чену́рный — щеголеватый, изящ-
 ный.

Черво́ний — красный.

Череві́къ — башмакъ.

Череда́ — стадо изъ смѣшаннаго
 скота.

Чересло́ — бороздникъ (принадле-
 жность плуга).

Чи — ли (вопрос. частица, ставимая
 впереди).

Чи здо́ужа — здорова-ли.

Чий — чей.

Чима́лий — довольно большой.

Чима́ло — не мало, довольно.

Чини́ти — дѣлать.

Чоло́ — лобъ, чело.

Чорни́ця — монахиня.

Чо́хла — широкіе концы рукавовъ
 въ сорочкѣ.

Чу́дно — странно, смѣшно, удиви-
 тельно, чудно.

Чудо́вний — чудотворный.

Чудо́вий — чудесный, превосходный.

Чу́йний — сознательный, чуткій.

Чу́тка — слухъ.

Чу́ти — слышать; чувствовать.

Чу́чвері́ти — изживаться, пропадать,
 сбиваться въ комки.

Ша́мкий — ловкій, поворотливый.

Ша́нува́ти — уважать; угощать.

Ша́нува́тись — сохранять свое до-
 стоинство, чувствовать дары Божьи,
 знать честь.

Шаповале́ — шапочникъ (производи-
 тель шерстяныхъ шапокъ).

Шата́нський (Клим.) — сатанинскій.

Шва́чка, шва́ля — портниха.

Шве́ць — сапожникъ.

Швидко — скоро.

Ше́вський — сапожническій, сапож-
 ный.

- ✓ Шибеница—висѣлица.
- ✓ Шкапа—кляча.
- Шкодити—вредить.
- Шкуратѣнный—кожаный.
- Шляхъ—дорога.
- ✓ Шлюбъ (Кл.)—бракъ.
- ✓ Шмаровати (Клим.)—мазать; бить.
- Шматокъ—кусокъ.
- Шпилѣчокъ—возвышенность надъ долиной или равниной.
- ✓ Шпиль—вершина.
- Шукати—искать.
- ✓ Шуліка—коршунъ.
- Шурхнутъ—защелестѣть.

Щасныйца—счастливецъ.
Щастить—посылать счастье, давать счастье.

Шірий—искренній, вѣрный.
Шіро—усердно; вѣрно.
Шірость—преданность, вѣрность; искренность.
Щось—что-то; чуть-чуть, немного, вѣсколько.

Юпчина—женская одежда въ видѣ корсета, но чаще съ рукавами.

Юрма—толпа.

Якого—сколько! какъ много!
Ясно—ясная погода.
Ясокірь—осокоръ.

О П Е Ч А Т К И.

На стран.	стр.	напечатано:	должно быть:
1	13	снизу	сирѹ
9	10—11	сверху	улюблена.
10	19	—	своего дочкою.
11	1	снизу	потанувъ снѣгъ изъ
12	17	—	плескае....
12	14	—	пологи
12	8	—	завязано!
13	6	сверху	вѣчи
14	13	—	дѣ
14	14	—	ей
13	13	—	швидку
13	16	—	мисливцівъ
15	18	снизу	стоючи
15	18	—	вѣчи
16	14	сверху	побачишь
16	14	снизу	самѣ
17	9	сверху	бучнѣ
18	6	—	говіркий?
18	9—10	—	десяти
20	4	—	не мовъ
20	9	—	мовчишь
20	13	—	опинїлася
21	6	—	дзвонами!
22	13—14	—	людямъ
22	6	снизу	вїжѣ!...
23	6	сверху	потамъ
23	16	—	менѣ.
24	14	—	набрѣло
27	2	—	Сегодні
27	7	—	тоді
27	18	снизу	Катря
27	17	—	Его
27	17	—	улицею
28	2	сверху	годі
28	19	снизу	ворітьми
29	17	сверху	якому
29	19	—	господарство
29	17	снизу	прійме
33	7	сверху	просторо
36	7	—	визналась
36	24	—	Голубѣ
36	2	снизу	гуляння
37	14	—	слизьми
38	7	сверху	було
38	16	снизу	«тамъ такі білі хмари

39	26	—	у трійзі	у трійзі
39	28	—	шіе	шіе
40	7	—	За що	За що
40	12	—	кажѹ	кажѹ.»
40	5	сверху	обіймае	обіймае
41	1	снизу	журюся...	журюся... И починаѹ впять такѹ саме и впять. Звісно вже, якѹ дівчата любощі переказують ...
42	5	сверху	тоді	тоді
44	7	—	світове	світове
46	4	снизу	тяжк-	тяжко
47	8	сверху	впнѹмѹ	вапнѹмѹ
47	6	—	Иванѹнка: якѹ	Иванѹнка... Якѹ
47	21	—	а продаѹть	а продажѹ
48	18	—	На що	Нащѹ
48	21	—	у хату, увійшла	у хату увійшла
48	29	—	не слѹхала... усѹ	не слѹхала... Усѹ
50	15	—	Вже як мині и за пе- вѹстку	Вже якѹ мині ii за невѹстку
51	3	снизу	дѹмай	дѹмай
54	6	—	нешаслава!	нешаслива!
55	1	—	дослухаѹтця, яка хто, журитця,	дослухаѹтця — яка; хто журитця,
56	5	сверху	холодновата	холодовата
56	10	снизу	Перехонѹла	Перехопѹла
57	5	—	дѹрмо, було, озивѹ- тися	дѹрмо було озивѹти- ся
59	13	—	говѹрю	говорѹю
58	17	—	схаменѹсь	схаменѹсь
63	13	—	іде	іде
63	8	—	маѹ	маѹ
63	10	сверху	озивѹѹтця	озивѹѹтця
63	13	снизу	сивѹѹ;	сивѹѹ;
74	1	—	підхожу горѹду	підхожу відѹ горѹду
80	7	—	усѹмѹ	усѹхѹ
82	3	—	менѹ мовляла.	менѹ вмовляла
107	7	—	жонкі	жонки

Вѹ объясненіи неудобопонятныхъ южнорусскихъ словѹ, на стран. 2, строка 1 снизу, вѹ нѹкоторыхъ экзѹмплярахъ, вмѹсто словѹ: и желала бы напечатано недалаж бы.

к-107
16897/

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

ВЪ МАГАЗИНѢ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ КНИГЪ
КОММИССІОНЕРА ИМПЕРАТОРСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ СВ. ВЛАДИМИРА И
ДЕРПТСКАГО,

Д. Е. КОЖАНЧИКОВА,

въ С. Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Публичной Библіотеки, въ домѣ Демидова, поступили въ продажу:

Букварь Южнорусскій, составленный Т. Г. Шевченкомъ. Спб. 1861 г. Цѣна 3 коп. за экземпляръ, съ пер. 4 коп.

Кобзарь Тараса Шевченка, съ его портретомъ. Спб. 1860 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Хата. Изд. 2-е, П. Кулиша. Спб. 1860 г. Ц. 75 коп., съ пер. 1 руб.

Малорусскій литературный сборникъ. Д. Мордовцова. Спб. 1859 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Повѣсти Григорія Квитки (Основьяненка). 2 тома. Спб. 1858 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Чорна Рада. Хроника 1663 року. Написавъ П. Кулишъ. Спб. 1857 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Повѣсти П. А. Кулиша. Новое изданіе въ 4 томахъ. Спб. 1860 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Украинскіе народные рассказы Марка Вовчка, въ переводѣ И. С. Тургенева. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1859 г. Ц. 50 коп., съ пер. 75 коп.

Богданъ Хмельницкій. Соч. Н. И. Костомарова. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Два больших тома. Спб. 1859 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Исторія Малороссіи. Соч. Маркевича. 5 томовъ. М. 1842 г. Ц. 8 р. 50 к., съ пер. 10 р.

Исторія Малой Россіи. Соч. Бантышъ-Каменскаго, съ портретами, картами и рисунками. 3 тома. Спб. 1842 г. Ц. 7 руб., съ пер. 9 р.

Исторія Руссовъ, или Малой Россіи. Соч. Преосвященнаго Георгія Конисекаго. М. 1846 г. Ц. 10 р., съ пер. 11 р.

Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи. Соч. А. Ригельмана, съ 30 рисунками. М. 1847 г. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.

Лѣтопись Самовидца о войнахъ Хмельницкаго. М. 1846 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Краткое описаніе о Козацкомъ Малороссійскомъ народѣ и о военныхъ его дѣлахъ, собранные чрезъ Бунчуковаго Товарища Петра Симоновскаго 1765 г. М. 1847 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.

О Козакахъ. Соч. Н. Маркевича. М. 1859 г. Ц. 25 коп., съ пер. 50 коп.

Дневныя Записки Малороссійскаго Подскарбія Генеральнаго Якова Марковича. М. 1859 г. 2 тома. Ц. 3 р. 50 коп., съ пер. 4 руб.

Архивъ Югозападной Россіи. Томъ I-й. К. 1859 г. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.

Лѣтопись Гадячскаго Полковника Григорія Грабянки. К. 1853 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Лѣтопись событій въ Югозападной Россіи въ XVII вѣкѣ, составилъ Самуиль Величко. 3 большихъ тома. К. 1848—1853 г. Ц. 6 р. 50 к., съ пер. 8 р. 50 к.

Памятники, изданные временною Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. 4 большихъ тома со множествомъ рисунковъ и палеографическихъ снимковъ. Кіевъ. 1846—1859 г. Ц. 12 р., съ пер. 16 руб.

455
28 III
сф

Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи. 5 то-
мовъ. Ц. 10 р., съ пер. 13 р.

Жизнь Князя А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни.
2 большихъ тома. К. 1849 г. Ц. 5 р., съ пер. 6 р. 50 к.

Историческое сочиненіе о Малороссіи и Малороссіянахъ.
Соч. Г. ф. Миллера. М. 1847 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Литовская церковная унія. Изслѣдованіе М. Каловича.
Спб. 1859 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Начало Уніи. Соч. Д. Зубриикаго; перев. съ польскаго А.
Майкова. М. 1848 г. Ц. 30 к., съ пер. 55 к.

Записки Преосвященнаго Георгія Конисскаго о томъ,
что въ Россіи до конца XVI вѣка не было никакой Уніи съ Рим-
скою Церковью. М. 1848 г. Ц. 25 к., съ пер. 50 к.

Чинъ Православнаго Литовскаго братства. М. 1848 г. Ц. 25 к.,
съ пер. 50 коп.

Справа братства церковнаго виленскаго предъ судомъ трибу-
нальнымъ. М. 1848 г. Ц. 25 к., съ пер. 50 к.

Краткая Исторія о бунтахъ Хмельницкаго. Перев. съ поль-
скаго. М. 1847 г. Ц. 30 к., съ пер. 55 к.

Повѣсть о томъ, что случилось на Украинѣ съ тою поры,
какъ она Литвою завладѣла и до смерти Богдана Хмельницкаго.
М. 1848 г. Ц. 25 к., съ пер. 50 к.

О бунтѣ города Пинска и объ усмирении онаго въ 1648 г.
Перев. съ польскаго Н. Янковскаго. М. 1857 г. Ц. 20 к., съ
пер. 45 к.